

Анатолий Климов

Без нас, Никто!

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анатолий Климов

Без нас, никто!

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Климов А. С.

Без нас, никто! / А. С. Климов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

“Без нас никто!” - это не просто слова, это девиз инженерных войск! По воле случая, или быть может по чьей-то злой воле, герой оказался там, где и государства такого как Русь ещё не существовало, а по земле гуляли словенские боги. Ища себя в новом мире, капитан Трофимов, а ныне Сармат, окунается в круговорот событий, пытаясь ответить на главный вопрос: что с ним случилось? Но время и жизнь не стоят на месте! И пока ответы не найдены, ему придётся приобрести как верных товарищей, готовых прикрыть ему спину, так и могучего супостата, что постоянно наступает ему на пятки. А тут ещё и Орда навалилась, намереваясь добраться до самого Аркаима. И не в силах оставаться в стороне от ужаса кровопролитной войны, капитан Трофимов принимает командование над словенской дружиной и спешит на заранее смертоубийственный бой. И всё, вроде бы, просто и по-людски! Но боги тоже не дремлют, они и сами не против побыстрее разобраться, что же им самим со всем этим делать? Содержит нецензурную брань.

© Климов А. С., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Анатолий Климов

Без нас, никто!

БЕЗ НАС, НИКТО!

ПРОЛОГ

– Подтянись! – орал старшина роты на личный состав подразделения. – Что за стадо, диких маймунов? Садовин!

– Я, товарищ прапорщик. – отозвался из строя солдат.

– Какого чёрта ты, автомат держишь словно берданку¹, а ну живо взял его правильно. – солдат, на которого был обращен гневный взгляд старшины, тут же перехватил свой АК-74, который до этого держал в руках за цевьё, и быстро повесил его себе за спину.

– Шардиев, злодей ты этакий! – переключился прапор на следующего. – Долго ещё не в ногу с остальными шагать будешь, думаешь у тебя пятьдесят процентов скидки на национальность имеется?

Рядовой Шардиев без лишних слов поменял шаг, взяв его в такт с остальными.

– А ты, Гаджиев. – не унимался тем временем старшина роты. – Долго ещё плестись в конце строя будешь, словно полные штаны навалил? Всё, демоны, вы мне окончательно надоели. Сто-о-ой! – прозвучала его команда. И рота замерла, вытянувшись вдоль дороги длинной змеёй в три колонны. – Ну что, военные, никак прокачаться желаете? – и он недобро окинул своим взором целиком весь строй подразделения.

– Может не надо, товарищ прапорщик? – подал голос один из сержантов, что стоял к нему ближе всех.

– Тогда ответь мне, Петкалёв, если ты у нас такой самый умный, почему я твоих бабуинов вместо тебя дрессировать должен?

– Я разберусь товарищ прапорщик, только не надо прокачки. – уже с надеждой в голосе повторил сержант.

– Хорошо. – неожиданно для всех сжалился старшина. – Я подумаю над этим, а пока вместо этого, вам будет ваша любимая строевая. – после этих слов по строю пронеслись недовольные вздохи. Ещё не известно было, что для них из двух зол хуже. – Тишину поймали! – вновь рявкнул старшина, и не обращая на недовольные лица солдат совершенно никакого внимания, пошёл уверенным шагом дальше вдоль строя, на ходу раздавая команды. – С-стан-новись! Р-р-равняйся! – вновь оглядел строй, стараясь охватить каждого стоявшего человека в нём, на предмет выполнения своей команды. – С-с-смирно! – рота замерла, каждый из стоявших в нём, вытянулся в шнур. – Строевым, шагом-м м-м-марш! – строй качнулся и в след за этим последовал чёткий удар сотни ног об асфальтированную дорогу, отозвавшийся раскатом грома в ушах.

При этом от его взгляда не ускользнул тот факт, как рядовой Гаджиев схватил пару хороших затрещин, от стоявших следом за ним в строю, рядовых Гоголадзе и Лозина, попутно, ему ещё что-то пообещавших. Но он не стал на этом заострять своего внимания, заранее зная, что максимум что тому грозило, так это несколько подзатыльников, и скомандовал дальше. – Песню запе-вай. – и тут же из центра строя раздался мелодичный голос запевалы, начинавшего первый куплет строевой песни. И удовлетворённый проделанной работой, обернулся в мою сторону, командира роты.

Я же в это время, пока старшина роты, наводил в строю дисциплину, чтоб не мешать ему в этом, собрал вокруг себя командиров взводов и ещё раз напомнил каждому, на каком учебном месте на занятиях по огневой подготовке они должны находиться.

Одобрительно кивнул старшине, это ведь был его хлеб, следить за порядком в строю, да и в роте в целом, и чтоб он больше не обращал на меня никакого внимания, махнул рукой, чтобы он вёл роту дальше. Сам же ещё какое-то время потратил на постановку задач командирам взводов. После чего мы бегом бросились догонять порядком удалившуюся от нас роту.

Та как раз закончила песню, когда я догнал голову колонны, и не останавливаясь, побежал дальше, на ходу подав команду. – Бегом, м-марш! – и побежал уже впереди колонны, тем самым задавая ей темп. Однако стараясь держать его ниже среднего, помня, что на всех солдатах одеты бронежилеты, вдобавок с полным комплектом оружия, а в строю так же несут и ящики с боеприпасами к нему. Но несмотря на всё это, уже через двадцать минут мы были на войсковом стрельбище. Где я построил роту повзводно в двух шереножном строю и довёл тему, цели и порядок проведения предстоявших занятий.

– Технический взвод.

– Я. – отозвался командир взвода. – Забирай взвод на практические стрельбы из автомата. Оператор мишенного поля уже на месте. Смена учебных мест по моей команде, старшина роты у тебя на пункте боепитания. Выполнять!

– Взвод, правое плечо вперёд, за мной бегом-м м-марш. – последовала команда взводного, и взвод убыл на указанное ему учебное место.

– Дорожный взвод.

– Я.

– На изучения основ и правил стрельбы, отработки нормативов №10, 12, 13, 30. – и взвод ушёл к месту проведения указанных занятий, с отработкой перечисленных нормативов.

– Сапёрный взвод.

– Я.

– Веди своих на учебное место метания боевых гранат. Старший на учебном месте я, командир взвода на пункте боепитания.

– Взвод, шагом-м м-марш! – Старший лейтенант Куруч повёл личный состав на исходную. Я пошёл следом, и чтоб не дожидаться, пока он на пункте боепитания, вскроет ящики с гранатами, и цинки с запалами к ним, сам построил взвод и ещё раз довёл правила метания боевых гранат и меры безопасности к ним. Не забыв привести летальные случаи, которые при этом случались или могли иметь место быть, как в нашей, так и в других воинских частях. После чего началась практическая отработка норматива №1.

Заняв место в специально подготовленном для метания гранат окопе, дал команду, чтоб первый солдат выдвигался ко мне, на огневой рубеж.

Прибыл командир первого сапёрного отделения, сержант Гришаткин, который уже давно проходил военную службу по контракту.

– Готов, Гриша? – спросил я, и в это время, где-то в трёхсот метрах правее от нас застроили автоматные очереди. – О! – чуть отвлёкся я от насущного. – Технари стрельбу начали.

– Обижаете, товарищ капитан. – сержант даже состроил обиженную физиономию. – Что я, гранаты ни разу не кидал что ли! Вон в последней командировке сколько их с вами перебросали. Тогда ебулбеки даже решили, что это по ним либо из агээсов² шарашат, или васильки³ так кучно кладут, а это всего лишь мы, их со склона простыми ргдэшками⁴ закидывали.

– Это было там, где времени долго раздумывать у нас с тобой не было, а тут давай всё по правильному выполняй. В левую руку запал, в правую гранату, и вкручиваем её на него, а не на оборот.

Гришаткин достал из подсумка запал с гранатой и выполнил всё в точности по инструкции.

– Гранатой-огонь! – скомандовал я.

Размахнувшись, Гриша бросил гранату в сторону трёх ростовых мишеней, что стояли в двадцати пяти метрах от окопа, имитируя группу атакующей пехоты. Как только он закончил бросок, мы с ним тут же присели на его дно. Окоп своей глубиной был мне по грудь, поэтому опасаться за головы не приходилось. Раздался хлопок взрыва, после чего мы уже поднялись во весь рост.

– Результат, отлично. – объявил я ему, видя свежую воронку, оставленную у самой кромки центральной мишени, после чего сделал соответствующую пометку в оценочной ведомости, что была прикреплена к моему планшету.

– Ещё бы! – с гордостью хмыкнул Гриша.

1 – “берданка” – винтовка образца 1868 года, разработанная полковником Берданом.

2 – “АГС” – автоматический гранатомёт станковый, “Пламя”, калибр 30мм.

3 – “Василёк” – 2Б9М – автоматический миномёт, калибр 82мм.

4 – РГД-5 – ручная граната дистанционная, масса 0,31кг.

– Давай, топай отсюда. – я шутя толкнул его в спину. – И с остальным личным составом позанимайся, а, то есть там среди них, индивидуумы, вызывающие моё опасение.

На смену Грише, пришёл Шиша, в смысле сержант Шишков, командир инженерной машины разграждения, ИМР-2. Шиша, как и Гриша был контрактником, и служил уже четвёртый год в армии, успев побывать за это время во всех экзотических командировках, в которых только принимал участие личный состав роты. Так, что за правильностью выполнения им упражнения, также следить особо было не нужно.

– Готов?

– Так, точно!

– Гранатой-огонь! – и после броска мы так же присели на дно окопа. Взрыв и Шиша идёт к остальным, а ему на смену уже выдвигается следующий.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться? – обратился ко мне очередной из прибывших для метания гранат солдат, рядовой Даурбеков.

– Что хотел? – ответил я, хотя уже заранее предвидел его вопрос.

– А можно будет ещё по одной гранате кинуть?

– Можно телегу с разбегу. – и улыбаясь посмотрел в его сторону. Мне определёнno был симпатичен этот далеко не симпатичный, невысокий ингуш, со сшитой из лучших обезьяньих жоп рожей. Который всё время службы, старался прикидываться самой святой невинностью. Но в то же время упёртый до безобразия, если что удумает, то будет до последнего стоять на своём, не взирая на все наказания, которые могут за этим последовать. Что и произошло во время первого нашего с ним знакомства. Когда его, с ещё парочкой молодых солдат привел в роту для продолжения службы старшина, то я в это время занимался в спорт кубрике, который был организован силами роты. Были там и груши с перчатками, маты для борьбы, ну и конечно же несколько штанг с гантелями, которые мы сами сварили из различного хлама. Так вот этот “перец”, сразу же начал качать права, что ему это нельзя, вот это он не хочет и делать не будет, а тут ему вообще вера не позволяет выполнять женскую работу. Пришлось его задёрнуть в спорт кубрик, и уже там на равных, объяснить ему, что всё он хочет, и вера его совершенно здесь не причём, что она даже совсем не против, если он возьмёт в руки половую тряпку и наравне со всеми будет мыть за собой полы, или наводить порядок в казарме. После проведённой с ним воспитательной работы, он в корне поменял свою точку зрения и стал чуть ли не образцом для подражания.

– А Машку за ляжку, её ведь тоже можно. – решил Даурбеков блеснуть своим остроумием.

– Нет в твоём случае, исключительно только козу на возу, на большее пока ты не тянешь. А будешь много разговаривать, у старшины роты, после отбоя, на вечерний сеанс, очки принимают к себе всех желающих. – после такого он сразу стал серьёзным, хотя по нему и было видно, что так и хочет ещё что-то сказать. И чтоб он не мучился, я решил всё же ответить на его вопрос. – После того, как все откидают по гранате, я решу, кто будет бросать дополнительно. – это его приободрило, и он сразу же просиял во все свои тридцать два корявых зуба. – Ты эту сперва брось, а потом о второй думать будешь. Понял меня, а теперь приготовься.

Даурбеков бережно достал гранату с запалом, и начал медленно её вкручивать. Я ему не мешал, видя, что он хоть и волнуется, но всё делает правильно.

– Гранатой-огонь. – скомандовал я, когда со снаряжением гранаты было покончено.

Солдат рванул кольцо и бросил гранату, продолжая стоять на месте, и провожать её долгий полёт внимательным взглядом.

Я без лишних слов пнул его под коленку и повалил на дно окопа, и только я упал на него сверху, как тут же раздался взрыв.

– Нет Даурбеков, ты не Страшила Мудрый, ты Мудила Страшный! – поднимаясь из окопа выговорил я ему. – Бегом на исходную к командиру взвода за ещё одной гранатой, и через одного человека обратно ко мне.

На смену ингушу прибыл дагестанец, а точнее даргинец, рядовой Гусейханов. С моей ротой по количеству разномастности национальностей, во всей части могла поспорить только ещё одна отдельная рота, химиков, или как мы все их называли, дустов. Там-то понятно, их командир сам был кумыком, родом из Дагестана, и всех своих соплеменников сразу же ставил на место. Но, а вот почему их в приказном порядке закидывали ко мне? Я конечно имел на этот счёт свои, кое-какие соображения, но это были лишь чисто мои догадки. Вероятно, потому, что для меня не было совершенно никакой разницы, русский ты или азербайджанец с евреем или чеченцем. Главное, чтоб человек был порядочный, ведь моральные уроды есть среди всех национальностей. А вот у меня в роте, Родину я заставлял любить всех одинаково, если пахать, то пахут все наравне не взирая на возраст и национальность, если же нет, то и балдеют тоже все вместе.

– Готов?

– Тах, тохчно!

– И когда ты только по-русски говорить научишься? Ладно, огонь!

Граната полетела в мишень, а мы нырнули в окоп. Прошло пять секунд, а взрыва всё не было. Прошло ещё какое-то время, по-прежнему тишина.

– Покажи кольцо. –сидя на дне окопа потребовал я. Рядовой протянул мне кольцо удерживающее чеку. С ним было всё в порядке, не деформировано. Потому, что на моей памяти бывали случаи, когда в страхе их дёргали с такой силой, предварительно не разогнув удерживавшие его усики шплинта, что оно попросту разгибалось, оставив тот на своём месте, что мешало срабатыванию запала. Это только в кино, для красочности и крутизны, бравые парни, кольцо гранаты рвут зубами, на практике же, если так поступить, то вместо кольца можно вырвать себе не только все зубы, но и всю челюсть в придачу.

– Где шплинт? – спросил я, который должен был остаться болтающимся на кольце, но его там не было.

– Кахой шплинх? – пробулькал он, потому что его выговор оставлял желать лучшего. – Нэ бэла нэчэго.

– Сиди здесь и не высывайся. – а сам выпрыгнул из окопа и пошёл в сторону мишени, примерно помня куда полетела граната. Я вовсе не был бесстрашным, и прекрасно осознавал, что так делать нельзя. Что сперва нужно закончить все стрельбы, удалить весь личный состав на безопасное расстояние, и уж потом, принимать меры к поиску и уничтожению неразорвавшейся гранаты. Но была вероятность, что потом мы её попросту не найдём. И по закону под-

лости, это сделает какой-нибудь недалёкий debil, который решит оставить её у себя, и тогда точно ничего хорошего из этого не получится.

К моему счастью, я нашёл её сразу. Она была там, где я и предполагал. Присел рядом с ней на корточках и внимательно её осмотрел. Граната была в полном порядке, даже чека была на своём месте. Недолго думая я взял её в руки и пошёл с ней обратно.

– Ты как это умудрился порвать кольцом ушко шплинта?

– Нэ знаю, я сдэлал всё как учили.

Я зажал чеку и аккуратно вынул шплинт с обратной стороны запала. После чего сам бросил гранату. – Ложись! – на этот раз всё вышло как надо и граната сработала. – Иди давай обратно в строй, мужчина гор. – Гусейханов хотел было, что-то сказать, но видимо последняя фраза ему сильно понравилась, и он словно “арель”, полетел на исходную, к остальным.

На смену прибежал сияющий Даурбеков. – Я готов. – ещё не запрыгнув в окоп, прокричал он.

– Спокойней, давай сперва на огневой рубеж своё тело доставишь, а уж потом докладывать будешь. – тот скоро спрыгнул вниз. – Приготовься. Так, хорошо. Помнишь свою прошлую ошибку? – тот кивнул. – Тогда огонь! – граната летит к цели, а мы с ним падаем на дно окопа. Раздаётся взрыв. – Можешь же, когда не тупишь. Результат отлично, давай следующего. – пока он бежал к смене, меня почему-то не покидала мысль, что этот хитрый жук, специально включил дурака, и сделал всё именно так, чтоб я дал ему вторую гранату.

Метания гранат с сапёрным взводом почти завершились, оставались последние четверо. Но зато, как я и предполагал, каких? Лучших из лучших, просто Угроза НАТО, с большой буквы. Вот увидит таких воинов наш потенциальный противник, и расплатится от жалости, сразу же передумав с нами воевать. Командир взвода, старший лейтенант Куруч, специально приберёт их напоследок.

Испытывать страх, когда держишь в руках боевую гранату, это нормальное явление. Просто по кому-то это заметно, а по кому-то нет. Но тот, кто сейчас со мной находился в одном окопе, был несомненным лидером по дрожанию, среди всех мною виденных ранее.

– Кривенко, не суетись. – видя, как ещё только потянувшись к подсумку, у солдата уже затряслись руки. – Медленно взял запал в левую, а гранату в правую руку. Ты ведь правша?

– Т-так, т-точно. – у него ещё и голос дрожит.

– Тогда всё верно, делай как говорю, и ни о чём больше не думай. Так, вкрутил, молодец. Теперь посмотри вон на ту мишень, видишь?

– Угу.

– Теперь не выпуская гранаты из правой руки, прижав пальцами чеку, левой аккуратно разогни усики шплинта, что держит кольцо. Вот, теперь, когда ослабил, дёргай за кольцо и бросай гранату. – я встал рядом, чтоб подстраховать его в случае чего.

И он дёрнул, потом ещё раз дёрнул, но кольцо упорно не хотело покидать своего места.

– Замри. – крикнул я, видя тот онанизм, которым он занимается. – Разогни усики кольца получше, дёргай одним резким движением, и бросай. Понял? – утвердительный кивок в ответ. – Давай!

Резко дёрнув он разогнул кольцо чеки, которое осталось у него в руках в виде прямой проволоочки. И откуда в таком тщедушном тельце, берутся такие силы? Даже мне бы не удалось подобное. Видимо от страха произошёл большой выброс адреналина в кровь, который и придал ему сил.

Не двигайся! – заорал я. – Сожми руку крепче, чтоб удержать чеку, и выкинь её на хрен. Хотя стой. – зачем я сказал ему стоять, он и так замер на месте, словно лом проглотил, белея от страха на глазах. Того и гляди сейчас в обморок рухнет. – Отдай её мне. – я протянул руки, чтоб накрыть ими его, сжимающими в этот момент гранату. Но тут, как на зло, подул сильный ветер,

поднимая облако пыли и забивая ею глаза. Безупречная, стоявшая до этого момента солнечная погода, моментально превратилась в унылую, пасмурную, того и гляди, дождь зарядит.

Непроизвольно зажмурившись от попавшего в глаза поднимаемого ветром песка, проморгавшись я тут же открыл их и увидел прямо над нашими головами большую чёрную тучу, что нависала совсем низко, было даже такое чувство, что до неё можно дотянуться рукой. А ведь всего мгновение назад погода была безупречная, а её там и в помине не было. Но не это сейчас для меня было главное! Переключил взгляд на гранату, которая в это самое время выпала из рук Кривенко, в неуклюжей попытке передать её мне. И покатила по утоптанному до плотности бетона, дну окопа в дальний угол от нас.

Первое, что пронеслось в голове, так это кинуться за ней следом, и как можно скорее выкинуть её из окопа. Но вместо этого, схватил стоявшего рядом, за грудки бронезилета Кривенко, и со всей дуру, на которую только был способен, выкинул из него этого Анику¹ – воина. Как только он оказался за пределами бруствера, сразу же прыгнул следом за ним. Я уже думал, что успел, как тут же раздался взрыв, и меня окатил поток тёплого воздуха, с последующим за ним ударом взрывной волны, от которой у меня сильно заломило в ушах. И моментально всю мою левую половину пронзила резкая боль. Уже лёжа на животе, на краю окопа, ещё до того, как окончательно отключиться, отчётливо помню, что в голове промелькнула одна единственная мысль, главное, чтоб солдатик не пострадал.

Звук охотничьего рога неумолимо приближался! Верный признак для дичи, что той, пора уносить свои ноги. Только вот на этот раз, бежать ей было совершенно не куда. По мимо только что раздавшегося тревожного для неё воя за спиной, двумя мгновениями ранее, прозвучали точно такие же, только справа и слева от неё. Оставляя свободным только один путь, вперёд. Чего и добивались охотники. Обложив добычу со всех сторон, они уже не торопясь смыкали тугое кольцо, загоня угодивших в него троих разбойников, прямиком в перегородившее им путь к спасению широкое болото. Ведь даже если те и рискнут в него сунуться, то их судьба будет заранее предрешена.

– Всё, отбегались! – прозвучал хриплый голос одного из загнанной троицы, что при этом нервно вертел головой во все стороны, пытаясь определить расстояние до приближающейся к ним облавы. – Говорил я Лохматому, нечего лезть в ту злосчастную деревеньку. Она ж на особом счету у местного князя. Он с неё и сам, почитай, неплохо имеет. А он нет говорит, вот пощиплем её немного, тогда уж и затаится ватаге на время можно будет. Вот и затаились. – он махнул рукой в сторону болота, у самой кромки которого они и остановились, чтоб хоть немного перевести дыхание от бесконечного бега. – Вот и осерчал на нас местный князь не на шутку, решив не прощать нам такой дерзкой выходки.

– Да кто ж знал, что так всё обернётся? – пытаясь оправдать содеянное, возразил плюгавый разбойник, подбирая своё копьё, которое лишь он один из троих сумел сохранить, во время ночного налёта княжьей дружины на их лагерь.

– Кто знал, кто знал? – передразнил его первый. – Я знал! Да только меня никто из вас олухов, не послушал. Вот теперь и отдуваемся за не просветную глупость Лохматого. Ему то теперь всё равно, теперь его голове красоваться на пике, перед самым княжьим теремом, как, впрочем, и ещё двум дюжинам таких же бестолковых голов, что не захотели меня слушать.

– Но погуляли то не слабо! – подал голос до этого не вступавший в перебранку своих подельников третий разбойник. – Ведь согласись, Заноза, и добра набрали немало, и с девками потешились на славу.

– Добра говоришь набрали, и где оно то добро? Бросили спасаясь бегством! Так какой нам прок от него, если из-за этого нам теперь на пятки наступает вся княжья дружина, и вот-вот возьмёт нас в оборот. Да и ума я не приложу, на кой ляд вы ещё и баб-то из той деревни с собой в наш лагерь потащили? Их вой за горизонтом слышать можно было. Вот пока вы

с ними тешились, князьи прихвостни к нам незаметно и подобрались. Всех перебили на раз два, мне вот чудом свезло, что меня по нужде в это время приспичило забраться подальше от стоянки в лес. Иначе бы и мне не за что не уйти оттуда живым.

– Ничего, наша песня ещё не спета, авось, да выскочим из облавы! – подбодрил упавших духом поделньников здоровяк. – Правда загнали они нас к самой кромке топких болот, свернуть дальше нам некуда. Если все не потонем, то вот тогда и будем дальше думать, как быть с нашей вольницей. А пока нечего зад просиживать, давай, двинули напрямиком через топь, мы ведь на легкой, может и получится проскочить это гиблое место. Дружина вслед за нами точно не сунется, они все как один на конях, да и железа на каждом из них не меньше пуда одето будет, сразу камнем на дно утопнут, если только решат следом за нами полезть. Так, что путь через болото, это наш единственный шанс на спасение.

– Кулик. – окрикнул он плюгавого разбойника. – Хорош за копьё цепляться, как за красную девку, давай, двигай первым, будешь своё прозвище оправдывать, я за тобой, Заноза последним пойдёшь.

Тому, кого звали Заноза, такой поворот был явно не по душе. Идти последним, значит рисковать схватить стрелу в спину, которую прикрывает лишь изодранная в клочья рубаха, но спорить со здоровенным Шатуном, всё же он не рискнул, не даром же того так прозвали. Из-за своей силы, тот мог легко поспорить с самим предводителем шайки, Лохматым, и убив того, занять его место во главе ватаги. Но из-за лишь ему одному ведомых причин, тот так и не стал этого делать, решив остаться в ней простым разбойником.

Пока он размышлял над всем этим, эти двое, не обращая на него никакого внимания, уже порядком углубились в ровную гладь болота, напрочь лишенную каких бы то было деревьев, и просматривающуюся на несколько вёрст вперёд. Куда не кинь взгляд, всюду увидишь одну и ту же картину из земляных кочек с проступавшей между ними тухлой водой. Только на этот унылый пейзаж смотреть чего-то ой как не хотелось.

1 – “Аника-воин” – Герой русского-народного эпоса. Подразумеваемый под собой человека, который способен хвастаться только, находясь вдалеке от опасности.

Чавкая мутной водой с поднимаемой со дна вонючей грязью, Заноза поспешил вслед за остальными. И как оказалось, вовремя. Только он успел углубиться в болото не более чем больше сотни шагов, как слева от него начали падать стрелы, аккуратно втыкаясь в болотные кочки. Бросившись ниц, и только после того, как укрылся за самой большой из них, Заноза рискнул выглянуть, и посмотреть назад. На том месте, где они совсем недавно переводили дух, уже красовались полтора десятка конных дружинников, посылавшим ему вслед стрелу за стрелой. Только как он сумел рассмотреть, стрельбу они вели как-то лениво, что ли, при этом, особо не выцеливая свою жертву. Скорее стараясь не прикончить разбойника, которому удалось от них ускользнуть, а наоборот, заставляя его как можно быстрее броситься дальше в топь.

Ничего другого ему и не оставалось, и он поспешил вслед за остальными, лишь напоследок бросив на стрелков свой взгляд, полный ненависти, и показав им кукиш.

Бежал по болоту он довольно долго, пока как они и полагали, оставшиеся на своём месте преследователи, окончательно не скрылись из виду. Но чем дальше он забирался в болото, то идти становилось труднее. Вода с плавающими на её поверхности ветками, вперемешку с травой, всё поднималась и уже начала достигать его пояса. Ладно хоть он был повыше ростом того же самого Кулика, который шёл первым. Тот уже чуть ли не плыл, погрузившись в жижу по самые плечи, но несмотря ни на что, продолжал упорно пробираться вперёд. Лишь изредка меняя своё направление, чтоб выбраться на болотную кочку, размером с небольшой островок, перевести дух и осмотреться. А после вновь плюхнуться в воду, и продолжить движение.

Сколько времени они так пробирались, Заноза бы не взялся судить, он уже начал порядком выбиваться из сил. Пару раз оступившись, нырнул с головой в вонючую воду болота, наглотившись которой, его тут же начинало мутить. Плюс ко всему присосавшиеся к телу пиявки, начинали болезненно кусать за ноги, это ещё если умолчать о комарах, которые вились над ним огромными тучами, что аж нельзя было вздохнуть полной грудью, чтоб те при этом не набивались в рот.

Но жаловаться на всё это было некому. Остальным на него было совершенно плевать, впрочем, как и ему на них. У разбойников каждый сам за себя – это простой закон, исключением которого является только главарь, который по праву сильного, может приказывать всем остальным, но и то лишь до тех пор, пока на него не сыщется кто-то более сильный. Поэтому выбиваясь из последних сил, Занозе ничего не оставалось, как не спеша плестись вслед за остальными. Ведь отстань он от них чуть дальше, и никто о нём даже не вспомнит, не говоря уже о том, чтоб за ним возвращаться, и они его попросту бросят.

Сыпля проклятиями на головы всех и каждого, он по-прежнему брёл в конце их растянувшейся вереницы, стараясь если не сократить, то хотя бы сохранить разделявшую их дистанцию. Но не смотря на все его усилия, она начинала понемногу увеличиваться. Шатуну было не занимать как силы, так и упорства, и он шёл след в след за сухощавым Куликом, который непонятно как, ловко огибать опасные места, умудряясь найти дорогу, на первый взгляд в совершенно одинаковой топи.

– Подождите меня. – крикнул он вслед удалившимся фигурам, и попытался из последних сил прибавить ходу, с трудом вытаскивая застревавшие в трясине ноги.

– Не ори! – был ему строгий ответ Шатуна. Но после недолгих раздумий добавил. – Хотя можешь орать сколько тебе влезет. Соберёшь своими воплями со всей округи русалок, а если сильно постараться, то и сам Болотник к тебе явиться на поклон.

Занозу пробил озноб, и он сразу заткнулся. Не с русалками, ни тем более с Болотником, он не был намерен лично встречаться. Потому, что встреча ни с кем из них не сулила ему ничего хорошего. Лучше уж тогда было остаться у кромки болота, а не бежать от княжких дружинников, чтобы те сразу на месте отрубили ему голову. Тогда не пришлось бы превращаться в утопленника и вечно развлекать подводных тварей болот.

– Ничего, доберусь я ещё до тебя. – шипел сквозь зубы Заноза. – Ты у меня при первой же возможности, за всё получишь сполна, только бы шанс представился.

Когда пару лет назад, Заноза был изгнан из родного села, за то, что по пьяни из-за вспыхнувшей между ними ссоры, сперва прирезал соседа, а после от крови войдя в раж, чуть не спалил и три соседских дома. Благо удалось свалить вину на покойного, мол тот сам виноват. И это он предложил поджечь хаты, а Заноза лишь его отговаривал. Односельчане тому конечно не шибко-то и поверили, но и к его счастью, скорую расправу над ним чинить не стали, иначе бы его самого ждала незавидная участь. Ограничились лишь тем, что вытолкали его взашей из деревни, на все четыре стороны.

И пришлось ему отправиться куда глаза глядят. Поскитавшись вдоволь по лесу, питаясь чем только придётся, он довольно быстро прибил к шайке Лохматого. Где сперва его в ней не сильно то и жаловали. Каждый раз норовя обделить с очередной добычей, которую удавалось поймать, не важно, как: прирезав ли одинокого путника или пустив под нож небольшой купеческий обоз. Но после того, как он вывел всю шайку на родную деревню, и жестоко расправившись со всеми своими обидчиками, нападки на него со стороны поделщиков прекратились. Это конечно не добавило ему уважения, потому, что среди разбойников такого понятия отродясь не водилось, но в глазах матёрых поделщиков, он несомненно поднялся на одну ступень выше. Что в дальнейшем дало ему право участвовать на общем собрании банды, решая, как им поступать дальше.

И вот его довольно сытой жизни пришёл конец. И всему виной нежелание остальных прислушаться к его мнению, по поводу того, чтоб не трогать этот злосчастный княжий удел. Может быть он и смог бы убедить остальных не нападать на деревню, но к тому времени, разбойники с прошлого набега уже порядком поиздержались, и желали во что бы то не стало поправить своё скудное положение. Которое закончилось для всех них одинаково. Только им троим чудом удалось выскользнуть из окружения, как только на них напали, то побросав оружие и не помышляя ни о каком сопротивлении, кинуться в спасительную лесную чащу. А дальше уже спасаясь лишь бегством, от наступающей им на пятки погони, которая и загнала их в болото.

Проваливаясь от усталости в трясины всё глубже и глубже, он упорно не желал сдаваться, каждый раз выбираясь на её поверхность и передвигая усталые ноги, продолжал идти дальше. Он уже давно оставил надежду догнать остальных, лишь ориентируясь на мелькавшие далеко впереди две крохотные точки, Кулика с Шатуном. Да ещё толком не успевший пропасть след на мутной воде, после того, как эти двое пройдя здесь перед ним, разогнали плавающую на её поверхности тину в разные стороны.

В очередной раз ухнув в трясины с головой, чудом успел зацепиться рукой за кочку, и выбравшись на поверхность, распластался на ней же, выплёвывая изо рта тухлую воду. Только когда помутневший от усталости взгляд прояснился, попытался разглядеть поделщиков, что уже были в далеке едва различимы, после чего перевёл взгляд на небо.

– Плохо дело, скоро начнёт смеркаться! – ведь любой знает, что провести ночь на болоте, то ещё приключение, и редко кто после такой ночёвки остаётся в живых, чтоб рассказать остальным, что такого делать ни в коем случае не стоит. И если тебя всё же нелёгкая занесла в такие места, то как можно быстрее уноси оттуда ноги, пока не стемнело. Если днём, ещё худобедно, можно избежать встречи с нечистой, то с наступлением ночи и нечего думать об этом. И эта страшная мысль, что промелькнула в его голове, моментально пробудила в нём тягу к жизни, предав при этом и сил.

Совершенно забыв об осторожности, Заноза что есть сил прибавил шагу, стараясь догнать далеко ушедших вперёд. И то ли те сбавили ход, то ли это он так сильно прибавил прыти, но постепенно расстояние между ними начало сокращаться. Заметив это, он ещё немного ускорился, переходя на максимальную скорость, которая только была возможна в этом болоте. Когда расстояние между ними, наконец-то, сократилось до двух десятков шагов, Заноза уже был готов завизжать во всё горло от радости, но всё-таки вспомнив о подстерегавшей на каждом шагу опасности, предпочёл воздержаться от крика.

Те двое как раз остановились на небольшом островке и упорно смотрели куда-то в даль. Выбравшись рядом с ними, Заноза уже было хотел сказать всё, что он о них думает, и набрав в грудь побольше воздуха был готов разразиться отборной бранью, но взглянув в их унылые лица, только с шумом выпустил воздух, при чём не только из лёгких.

– Догнал всё-таки. – безучастно процедил сквозь зубы Шатун, даже не обернувшись в его сторону. – Это хорошо, а то мы уж переживать за тебя стали. Не случилось бы с тобой чего худого по дороге, на помощь уж было хотели к тебе поворачивать. А то думаем нашли выход с болота, а ты так отстал, глядишь мы выйдем, а ты так и сгинешь, всего, чуток не добравшись до противоположного конца этой топи.

Заноза вопросительно уставился на Кулика. – О чём это Шатун боится? – в то, что они действительно остановились ради того, чтоб дождаться пока он их догонит, ему совершенно не верилось, но и другого объяснения случившемуся, он пока не находил.

– Вон за теми кочками. – Кулик махнул рукой чуть вперёд. – Начинается твёрдая земля. Вон видишь? – он ткнул пальцем чуть ближе к себе от линии горизонта. – Уже начинают торчать из земли хоть и корявенькие, но уже деревца – это и есть наш выход с болота.

– Так чего ж мы стоим? – обрадовался Заноза, не веря в такую удачу. Но подступивший к нему вплотную Шатун не дал договорить, оборвав на полуслове.

– А то, что впереди глубокая вода, в которой к тому же полно русалок, которые только того и ждут, когда кто-то из нас сунется в воду.

Почуввав неладное, Заноза попытался отойти на безопасное расстояние от нависшего над ним Шатуна, но уже было поздно. Тот сгрёб в охапку его своими огромными ручищами, словно нашкодившего котёнка, и легко оторвав от земли, поволок к самому краю островка, на котором они находились.

– Ты чего? – визжа завопил он. – Отпусти! Не надо! – разбойник уже догадался, как тот был намерен с ним поступить. Но мольбы не подействовали на Шатуна. Здоровяк, подтащив его к самой кромке воды, поднял над головой словно мешок, и со всего размаху запустил верещавшего бедолагу как можно дальше.

Подняв тучу брызг, Заноза скрылся с головой в мутной воде, но не желая тонуть тут же вынырнул на поверхность, и что было сил подгрёб к спасительному куску суши, пытаясь поскорее выбраться на него. Но подскочивший Кулик, начал тыкать в него тупым концом своего копья, спихивая его уже почти выбравшегося на твёрдый берег, обратно в воду. Прodelав это несколько раз, Заноза прекратил безуспешные попытки выбраться из воды, а изловчившись схватился за нацеленное в него древко и силой рванул его на себя. Вместо того, чтоб разжать пальцы и отпустить копьё, щедущий Кулик попытался его вырвать, из намертво вцепившегося в него разбойника, и от сильного рывка в обратную сторону, уже сам полетел в воду.

Шатун же вместо того, чтоб прийти на помощь хоть кому-то из них, стал судорожно крутить головой по сторонам, внимательно осматривая водную гладь, пытаясь рассмотреть в ней русалок. После чего утвердительно крякнул, отошёл подальше в противоположную сторону и разбежавшись, со всего разбегу сам сиганул в воду. Только плюхнувшись на почтительном расстоянии от них. Вынырнув, загребая воду своими огромными ручищами словно вёслами, что есть сил, поплыл к противоположному берегу.

Остальным ничего не оставалось, как последовать его примеру. Можно было конечно выбраться на спасительный берег, тем более, что теперь этому никто не мешал, но такое решение, однозначно, не сулит ничего хорошего. Это лишь отсрочит неминуемую смерть до темноты, когда из болота начнут вылезать утопленники, от которых уже негде будет скрыться. Поэтому им оставалось только одно, плыть, и как можно скорее к берегу, где кончалось болото, пока в воде их было хотя бы трое, и был хоть какой-то, но шанс. Авось кому-то, из них да повезёт, и русалки кинутся не на тебя, а на твоего менее удачливого соседа.

Что в итоге и произошло, Кулику из их троицы не повезло первым. Прямо перед ним мелькнул здоровенный рыбий хвост, после чего тонкие девичьи руки, оплели его шею, и сразу же утащили под воду. Он ещё пару раз вырывался из них, выныривал на поверхность, вопя во всё горло о помощи, прежде чем русалки его снова схватили и скрылись с ним под водой, на этот раз всегда. Но эти вопли лишь заставили оставшихся двух пловцов, загребать воду ещё быстрее. Выжимая из себя все силы до предела, молотя руками что есть мочи, они плыли к заветному берегу. Моля лишь о то, чтоб русалки удовлетворились лишь только одним утопленником.

Шатун размахисто размахивая руками, значительно обогнал Занозу, и достиг спасительного берега первым. Выбравшись из воды по пояс, он уже видимо посчитал себя окончательно спасённым, и рано расслабился. То ли решив позлорадствовать над всё ещё плывущим Занозой, то ли посчитав себя действительно в безопасности. Но вместо того, чтоб поспешить и выбежать из воды подальше, он стал выжимать свою бороду, вытряхивая из неё запутавшуюся в ней тину, при этом медленно передвигая ногами. И когда до заветной суши было уже совсем рукой подать, как на него из воды выпрыгнули сразу две русалки, и обвив его своими чешуйчатými хвостами, потащили обратно на глубину.

Но тот и не подумал сдаваться. Взревев словно медведь, он сумел оторвать от себя девичьи тела и раздавая на право и на лево увесистые тумачи, пятясь спиной вперёд, начал мед-

ленно отходить к берегу. Не смотря на все попытки русалок сбить его с ног у них это никак не получалось. Как только одна из них выныривала из воды, чтоб вцепиться в него своими холодными пальцами, как тут же получала удар кулаком по девичьей голове, и словно куль, оглушённая падала обратно в воду.

Борьба за жизнь Шатуна, отвлѣкшим на себя русалок, позволила Занозе без проблем достичь берега. Он сперва отбежал от воды на безопасное расстояние, только после чего позволил себе без сил повалиться на землю, жадно глотая ртом воздух, и стараясь успокоить ходившую ходуном грудь.

Ещё какое-то время были слышны шумные всплески воды, глухие удары и отборная брань Шатуна, которому болотные девы по-прежнему не давали выйти на сушу. После чего всё резко оборвалось, и вся округа погрузилась в гнетущую тишину, нарушаемую только его шумным дыханием.

Лѣжа на спине, Заноза продолжал жадно глотать воздух, пытаясь унять бешено колотившее в груди сердце. Он даже не сразу сообразил, что уставился мутными глазами прямо в серое небо, которое уже начинало порядком темнеть. Но не это его заставило подскочить как ужаленного.

– Чего разлѣгся? – раздалось над самым его ухом.

– Шатун! Живой мерзавец! – Заноза тут же вскочил на ноги и кинулся на него с кулаками, пытаясь засветить тому прямо в рожу. – Ты хотел использовать меня как приманку. Да за такое тебя под нож пустить мало!

– Успокойся! – тот особо не напрягаясь оттолкнул его от себя, лишь равнодушно пожав плечами. – Это была не моя идея, Кулик всё придумал. Но тот тебе уже не ответчик, он сейчас сам русалок тешит на дне болота.

Конечно не твоя идея, пронеслось в голове у Занозы, куда уж тебе самому до такого додуматься. Но отчего-то злости на Шатуна больше не было. И причиной тому был вовсе не его жалкий вид, которому и так порядком досталось от русалок, а скорее боязнь Занозы остаться одному, посреди этих забытых богами болот.

– Ладно, чего разлѣгся? – повторил вновь Шатун, только уставшим голосом. – Надо двигаться дальше, наше спасение уже совсем рядом. – он кивнул в сторону росшего уже совсем близко, хоть и редкого, но всё-таки леса. – Доберѣмся до деревьев, наберѣм сушняка и разведѣм костѣр, обсушимся. – и не дожидаясь, пока Заноза пристроиться рядом, зашагал в направлении того самого леса. В отличие от кое-как встающего с земли оппонента, более уверенно передвигая своими ногами. Словно и не было этого ночного бегства из разбойничьего лагеря, с последующим переходом через болото, сумасшедшим заплывом и драки с русалками.

Только когда уже окончательно стемнело, они прекратили свой путь и без сил повалились на землю. Повалился кулем, правда только Заноза, Шатун лишь уселся на землю и начал сооружать из собранных веток небольшой шалашик для костра.

Когда огонь занялся и немного отогнал ночную тьму в стороны, поближе к костру подполз и Заноза, чтоб согреться и обсушить свои остатки висевшей на нём одежды. Рассевшись напротив друг друга они молча уставились на огонь, думая каждый о своём. То, о чём думал Шатун было неизвестно, ну а вот Заноза был близок к отчаянью. Он всячески пытался понять, что же ему теперь делать дальше. Он был голоден, напуган и зол, зол на весь белый свет.

Если бы он только мог, то он бы предал лютой смерти всех, кто был повинен в его несчастьях. И своего атамана Лохматого, но хорошо хоть, что тот уже своё получил, и всю княжью дружину, что загнала их в это проклятое богами болото. И даже этого здоровяка Шатуна, что ценой его жизни, хотел выторговать свою. Только в открытом бою ему против него ни за что не устоять, и из-за этого он злился ещё сильнее. Разумно решив обождать, и дождавшись удобного случая, чтоб удавить его по-тихому, в отместку за весь тот страх, которого он из-за него натер-

пелся. Но это он сделает чуть позже, а пока тот был ему нужен, чтоб вместе с ним выбраться отсюда в более обжитые места.

Занозу страшила одна лишь мысль, остаться одному посреди этих гиблых мест. Вот выберется отсюда, тогда он и осуществит свою задумку. Потому что он прекрасно знал, что хоть и был крепок телом, но вой из него был никудышный, ни оружия при себе нет, ни навыков бойца не имеет. Вот если кого прирезать по-тихому, удавить или ещё какую пакость учинить, то тут он мастер. А пока придётся ещё какое-то время вместе пообтереться. И он даже позволил себе улыбнуться, представив, как вскоре покончит с обидчиком.

– Чего это ты скалишься? – его кривая ухмылка не ускользнула от взгляда сидевшего напротив Шатуна, до того спокойно ворошившего прутиком угли.

Оторвавшись от своих мрачных мыслей, разбойник поднял голову, посмотрев на здоровяка. В это время костёр полыхнул особенно ярко, расширив до этого небольшой круг света чуть больше, и выхватил из темноты чуть больше окружавшего их пространства. Сразу стали отчётливо видны тени, от стоявших рядом с ними деревьев.

Но его внимание привлекла лишь одна из них. Которая вместо того, чтоб оставаться на своём месте, колыхнувшись, придвинулась ближе к ним, и теперь нависала прямо за спиной у Шатуна. Его улыбка моментально сменилась диким ужасом, что отчётливо читался на его лице. Он как сидел, так и попятился от костра, при этом взбрыкнув ногой, угодил ей прямо в костёр, непроизвольно выпнул из него горящую головню, которая полетела прямо на штаны сидящему возле костра Шатуну.

– Ты чего творишь? – заревел тот, и подхватив горящую палку, уже было хотел огреть ей Занозу. Но замахнувшись перехватил его испуганный взор, направленный ему прямо за спину, и тут же почуяв неладное, резко обернулся.

Оцепенев от страха, что сковал всё его тело, по-прежнему сидя на заднице, Заноза только и мог наблюдать за тем, как Шатун взмахнул головнёй перед собой, пытаясь отогнать от себя странную тень. Даже скорее не тень, а целый сгусток тьмы, который даже в непроглядной ночи, выделялся своей чернотой и полной непроницаемостью для света костра. Но несмотря на то, что чернота была явно чем-то живым, горящая деревяшка вошла в неё словно в густой кисель, при этом огонь, что горел на её конце стал едва различим.

Вырвав руку обратно, Шатун отступил на пару шагов назад, и вновь повторил свою попытку, только на этот раз, когда он снова вогнал головню в тёмный сгусток, то огонь на её конце моментально погас, будто тот её сунул в воду. Шатун попытался выдернуть руку, но на этот раз та не поддавалась, словно за неё кто-то с другой стороны вцепился. Он дёрнул сильнее, повернулся к Занозе ища у того подмоги. Но перепуганный до смерти подельник и не думал ему помогать, у него даже не хватило храбрости, чтоб подняться с места и умчаться прочь в темноту, подальше от неведомой напасти.

И тут произошло вовсе необъяснимое! До этого дёргавшегося Шатуна, пытавшегося безуспешно освободить свою руку из вцепившейся в неё тьмы, всего целиком окутала чёрная мгла. Ещё какое-то время можно было смутно различить сквозь эти клубы, то как он барахтается внутри, пытаясь их разорвать. Но тут раздался душераздирающий вопль Шатуна, и он окончательно исчез из виду, так же резко оборвался и его безумный крик. То, что с ним случилось нечто ужасное, не было никаких сомнений. Всего мгновение постояв на месте, словно переакивая добычу, облако чёрного дыма двинулось к так и оставшемуся на своём месте разбойнику.

Не в силах сопротивляться или бежать, Заноза сидя на заднице смотрел на то, как к нему неумолимо движется страшная смерть. Он даже закрыл глаза, чтоб не видеть, как это случится. И только и смог, что выдавить из моментально пересохшего горла. – Боги милосердные, защитите. – и еще сильнее зажмурился, обхватив руками голову, сжавшись в небольшой комок.

И тут видимо что-то произошло, раз он был всё ещё жив. Вот его сердце отсчитало ещё несколько ударов, а с ним вновь ничего не случилось. Наконец, набравшись смелости, он рискнул приоткрыть глаза. Как он этого не хотел, но в свете прогорающего костра он заметил, что тьма никуда от него не делась, а всего лишь остановилась у самых кончиков его ног и теперь нависает плотной стеной прямо над ним. Увидев такое, он задрожал всем своим телом, и кажется даже забыл, как дышать.

И тут, неожиданно для него, прямо у самого лица, прозвучал гневный голос, да такой сильный, что тому тут же захотелось превратиться в малюсенькую букашку и забиться в самую мелкую щель. – Боги говоришь! И много эти самые боги тебе помогли?

– Пощади. – еле слышно, почти одними губами пролепетал Заноза. – Я сделаю всё, что ты хочешь, только не губи!

Тьма колыхнулась, увеличиваясь в своих размерах, и уже было хотевшая расправиться и с ним, но почему-то медленно отступила на пару шагов назад. И Заноза моментально воспрял духом, если его не прикончили сразу, то у него появился крохотный, но все же шанс на спасение. И не теряя времени зря, забыв обо всём на свете, продолжил. – Не убивай, я буду тебе служить, я сделаю всё, всё что ты только велишь. Я буду твоим слугой. Я, я, я...сделаю всё что ты только захочешь.

Но быстро тараторившему разбойнику, пытавшемуся выторговать свою жизнь, договорить не дал властный голос, раздававшийся напрямиком из недр Тьмы. – А кой прок мне от твоей службы? Ты слаб, жаден, завистлив, труслив, способен на предательство даже тех, кто стоит подле тебя. Ты ценишь свою жалкую шкуру превыше самой чести, тебе ведь даже неведом смысл этого. Ты не способен держать данное тобой слово, заботаешься исключительно о себе. Чтоб помочь ближним, не может быть и речи, для тебя всё это пустое. Для тебя нет ничего важнее своей жалкой жизни. Так ответь же мне, что ты, жалкий червь, можешь мне предложить за эту самую жизнь? В тебе нет ничего, что могло бы вызвать уважение к роду людскому. Тот, которого я только что поглотил, и то был намного достойней тебя, он по крайней мере до конца боролся за свою жизнь.

После этих слов, уже было загоревшийся в душе огонёк надежды на спасение, окончательно угас. Ведь всё только что ему сказанное было чистой правдой. Да он такой! Подле него никогда не было тех, ради кого бы он чем-то жертвовал. Да, он ценит свою шкуру превыше всего на свете. Он никогда не рисковал собой, чтоб прийти кому-то на помощь. Жил исключительно лишь для себя. Если нужно, то ради своего спасения он готов на любое, даже самое подлое из предательств, а если потребуется, то может даже всадить нож в спину тому, кто ему доверяет. Если надо, то он даже будет лизать пятки своему самому ненавистному обидчику, только бы сохранить свою жизнь. Ведь для него нет ничего ценнее!

Но Тьма тем временем продолжала. – И ты, Человек, последнее создание Рода, которых он поставил во главе над всеми остальными своими созданиями. Людей, которых он создал как самых чистых и непорочных? И ты жалок! Но я это исправлю! Я докажу ему, и всем остальным, что такие как ты не достойны этой чести, быть лучшим его творением. И только лишь поэтому я сохраню тебе жизнь.

До этого момента, Заноза уже был готов лишиться чувств, пока не услышал последнее, а именно только. – Я оставлю тебе жизнь. -всё остальное сказанное, для него было совершенно не важно.

А Тьма закончила говорить. – Отныне ты станешь моим рабом. Ты больше не будешь принадлежать ни себе, ни являться частью этого мира, а станешь частицей меня. Я дам тебе силу, о которой ты мог только мечтать, чтобы ты смог достойно служить мне. Но взамен этого, как плату за силу, я заберу у тебя единственное, что у тебя ещё осталось. Твою жалкую душу!

И не дожидаясь, пока до дрожащего от страха разбойника дойдёт смысл всего сказанного, от клубившейся над ним черноты, отделился небольшой сгусток точно такого же мрака, и со всей силы ударил того в грудь, мгновенно целиком войдя внутрь и растворившись в нём.

ПОЛНЫЙ АБЗАЦ

– Чёрт! – острая боль пронзила всю голову. – А глаза-то, как болят! – будто кто соли в них набил. Осторожно попытался открыть сперва один, затем разлепить и второй глаз. И тут же зажмурился от резкой боли, словно иголкой в них кто-то тыкнул. Успел различить яркий свет, прежде чем глаза снова пронзила острая боль. Пришлось вновь зажмуриться, что принесло хоть небольшое, но все-таки облегчение.

Непроизвольно потянулся руками к лицу. Левая рука тут же отозвалась лёгкой болью в локте, а правая на своём пути к голове, запуталась, как мне показалось, в густой траве. Но всё-таки дотянувшись до лица, кое-как встал на четвереньки, прижав ладони к лицу, чтоб их не так резало от яркого света, и вновь попробовал разлепить свои веки.

На этот раз резь в глазах от приглушённого ладонями света была не такой сильной. И перед тем, как снова зажмуриться, я успел рассмотреть, что и впрямь лежу на траве. Хотя отчетливо помню, что должен был валяться на глине, которой был обсыпан бруствер окопа. Немного покорячившись, все в том же положении, раком, собрался с силами и снова открыл глаза, на сей раз ожидая увидеть своё покалеченное гранатными осколками тело.

Зрение понемногу возвращалось, и я уже отчётливо видел свои коленки. Простояв так в полной тишине, минут десять, попутно пытаясь прислушаться к своим ощущениям, затем начал понемногу разгибаться. Не переставая удивляться тому, что всё это время, вокруг меня стояла полнейшая тишина.

А ведь сейчас вокруг меня, как минимум, должна была толпиться уйма народа из личного состава роты, что непременно бы сопровождалось матом и руганью. А тут ничего! Совсем ничего, полнейшая тишина, от которой чуть ли не звон в ушах стоит. И ведь не контузия же у меня, мелькнула шальная мысль. Хотя в ушах и шумит, но ведь башка не разрывается на части и это не тот шум, что должен был быть после разорвавшейся подомной гранаты.

Не без труда поднял голову, и попытался сфокусировать зрение на окружающей меня обстановке. Хоть в глазах по-прежнему ещё была небольшая муть, но видел я уже довольно таки неплохо. И смог отчётливо разобрать, что нахожусь на небольшой полянке, и как ничего непонимающий баран, пялюсь на сплошную стену зелёного леса, что окружает меня со всех сторон.

– Что за херня! – первое, что пришло мне в голову. Я же должен сейчас валяться никак не здесь, а на полигоне, где проходили занятия с моей ротой по огневой подготовке. Я бы ещё понял, если бы очухался в госпитале на больничной койке, но никак ни здесь!

Усевшись на задницу, помотал головой из стороны в сторону, пытаясь развеять эту странную галлюцинацию. Не помогло. Нет, точно, кругом даже не роща, а самый что ни на есть настоящий, дремучий лес! Затем осмотрел себя. Камуфляж грязный, ну это понятно. Местами пробитый, с обугленными дырами – это тоже не ново. Расстегнул бронезилет и скинул его себе под ноги, следом последовал китель, после чего задрал на себе майку. И вот тут я вспотел!

Нет, оно конечно хорошо, что кровоточащих дырок на своём теле я так и не обнаружил, но ведь они же должны были быть. Вот к примеру, на боку, где бронезилет оставляет кусок неприкрытой бочины, китель с майкой изодраны в хлам, и края ткани как положено, все в засохшей кровище, и судя по тому, сколько её в них впиталось, дыра во мне должна была быть не меньше чем с палец. Только вот на деле бочина – то целая, на ней даже не царапины. Штаны порваны в хлам и так же в запёкшейся крови, а сами ноги целые, с левым рукавом такая же картина. Хоть убей, ничего не понимаю!

Детальное изучение бронежилета, лишь подтвердило мою догадку. Нашёл ещё один осколок гранаты, прошедший по нему по касательной, только оцарапав титановую пластину. И вот, держа в одной руке бронник, а в другой китель, я любовался симметричными дырами, с бурыми пятнами уже засохшей крови. Но черт возьми, почему же тогда-я-то целый? И второй не менее важный вопрос. Где это я сейчас нахожусь? Хорошие вопросы, ничего не скажешь, но ответа на них я пока дать не мог. Может быть мне всё это только кажется, и я брежу. И вот-вот, это всё непременно пройдёт? Или может быть я сейчас лежу в коме, а это всё, плод моего воображения?

– Да что за херню я несусь? – обругал я себя. Какая кома, какое воображение? Всё, что вокруг меня, что я вижу, слышу и чувствую, очень даже реально. Снял с головы каску, подставив её свежему ветерку, что так приятно охладило еще не до конца прошедшую от головокружения голову. Затем, плюхнулся обратно на землю, и попытался воссоздать картину минувших событий.

И так, день недели вторник, время ближе к обеду. Находился я на войсковом полигоне со своей ротой, на занятиях по огневой подготовке. Всё было как обычно: довёл тему и цели занятия, отправил взвода по учебным местам, технический взвод на практическую стрельбу, дорожный на изучение мат части вооружения и правил стрельбы. Сам с саперным взводом пошёл на учебное место, метание боевых гранат ргд-5.

– Да, были у меня опасения, что с новым поколением дебилов, которое последнее время всё чаще приходят в войска на год службы, не то что оружие в руки давать нельзя, но и даже показывать его не стоит.

И ничего, как говорится, не предвещало беды. Пока на огневой рубеж не прибыл рядовой Кривенко. Рахитичный солдат, с диагнозом в личном деле, на гражданке была попытка суицида. И как я не пытался его комиссовать с таким диагнозом, всё безрезультатно. Ответ был один – здоров, к военной службе годен. Хотя, чему удивляться, если в разные промежутки времени, в моей роте проходили службу солдатики с такими диагнозами, как порок сердца, какая-то хрень с печенью, почти слепые, условно судимые, дезертиры, побывавшие после этого на дизбате.

Был даже индивид два в одном: без крайней фаланги указательного пальца на правой руке, и судимостью, год условно. Как оказалось, на гражданке этот товарищ воровал канализационные люки, и сдавал их на чермет, одним из которых ему палец собственно-то и отрезало. За это дело он ещё в последствии получил год условно, и обнаружив у себя в почтовом ящике повестку из военкомата, мужественно призвался в армию, влившись в ряды вооружённых сил. Хотя как оказалось на практике, то был он совсем неплохим малым, и за всё время службы показал себя только с наилучшей стороны. Но такие ребята, как правило, являют собой редкое исключение из правил. Основной же процент призывников, заставляет задуматься о нашем бедующем поколении.

А вот с рядовым, товарищем Кривенко, всё оказалось намного хуже, у того на лице всё было написано – я дебил. Хоть он и упорно это старался отрицать. Да и оборудование нашего полигона оставляло желать лучшего. Нет, там, где стреляют танкисты с пехотой, из танков и бмп, всё обстоит на высшем уровне. А вот огневые рубежи для одиночной стрельбы из автомата и метания гранат, находятся в плачевном состоянии. Видимо командование части ещё не созрело для ремонта и обустройства этих учебных позиций. Так как вся показуха с начальством в широченных лампасах, с давившими на их плечи кучей огромных звёзд и репортёрами в придачу, проходила именно на ранее сказанной части полигона.

И вот, когда наш воин пришёл в окоп с гранатой в подсумке и начал её оттуда вытаскивать, то ручонки-то у него затряслись. Чтоб его успокоить, я помог ему вкрутить взрыватель, разогнуть усики кольца и вложил её в его руки. Ему оставалось только дёрнуть за кольцо и

выбросить её к хренам собачим, подальше от окопа, в сторону ростовой мишени находившейся на удалении двадцать пять метров и имитирующую противника.

Но на практике, это оказалось не так-то просто. Он умудрился рвануть кольцо так, что шплинт остался в чеке, а разогнутое кольцо у него в руках. Видя такое, я приказал ему не суетиться, и не спеша отдать гранату мне, так как стоял рядом. Но рученьки солдата, которые к тому же растут из жопоньки, затряслись, и граната полетела ему под ноги. От удара о землю и без того державшийся на соплях шплинт вылетел. Видя отлетевшую в сторону чеку и закатившуюся в угол гранату, я схватил горе-воина за грудки, и выкинул его из окопа, прыгнув следом за ним, попутно молясь, чтоб задержка у этой ргд была более чем пять секунд. Но чуда не произошло, и взрыв прогремел через положенное ему время. И меня, не успевшего целиком перевалиться за бруствер окопа, обдало взрывной волной и швырнуло о землю. Я только успел почувствовать острую боль в боку, после чего свет в моих глазах начал меркнуть. Вроде бы всё так и было!

При воспоминании взрыва, рука сама непроизвольно коснулась раненного бока, а в голове вырисовывался образ крови, что сейчас непременно хлещет из раны. Но опомнившись, отёрнул её назад, предварительно посмотрев на ладонь. Нет, ничего, рука по-прежнему сухая и никакой раны в боку нет.

– Всё-таки не успел! – горько констатировал я, разглядывая свои штаны в дырках от осколков. Согнул-разогнул ноги, те слушались, ни боли ни чего-то другого, я в них не чувствовал. Медленно поднялся с земли, ничего не произошло, те не подломились, как я за них опасался. – И то хорошо!

А теперь было бы не плохо разобраться, где это я, и как тут оказался? Но для начала надо провести перепись имеющегося у меня при себе имущества. И так: при себе у меня имелся бронежилет, каска, планшет со всякой чертежной в нём требухой, и прикреплёнными с боку сигнальными флажками. В карманах формы нашлась зажигалка, пара леденцов и удостоверение личности офицера. На руке имелись наручные часы, но то ли от удара об бруствер, то ещё обо что, но стекло на них треснуло и стрелки застыли, показывая половину первого, плюс имелся мобильный. Одним словом, всё то, что было при мне до момента взрыва гранаты.

– Твою ж дивизию! Телефон! Я про него и забыл совсем. Включив экран, начал лихорадочно рыться в телефонной книге. Первым делом набрал номер старшины роты и нажал кнопку вызова. Но в ответ раздалось привычное. – Абонент выключен или находится вне зоны действия сети! Сбросил набранный номер, перебрал еще пару вариантов из адресной книги, включая номер командира части, но везде ответ был одинаков. Взглянув на деления антенны в телефоне, убедился в отсутствии таковых, и с горьким сожалением убрал телефон обратно в нагрудный карман кителя. Но помедлив достал его вновь, и набрал номер экстренной службы. Кто окажется на том конце телефона: скорая, менты, пожарная охрана, да хоть сам Шойгу во главе Диснеевской команды спасателей, сейчас мне было совершенно всё равно. Я слышал, что данный звонок должен работать даже при полном отсутствии связи, хотя, как это может выглядеть на самом деле, ума не приложу. Вот сейчас и проверим, но увы, итог был предсказуем, и я опять лишь прослушал голосовую запись.

– Что ж, когда-нибудь связь всё равно должна появиться. А сейчас похоже, что в этой глухомани её совершенно нет. Но ничего, выберусь из леса, тогда и позвоню в роту. Узнаю у них, что за хрень со мной приключилась. Хорошо хоть зарядки на телефоне в режиме ожидания должно хватить на пару дней, а за это время я точно доберусь до цивилизации.

На том и остановился. Собрал свои скромные пожитки: одел обратно китель с бронником, нахлобучил каску на голову как котелок, не став застёгивать лямки, а оставив их свободно болтаться по краям. Перекинул через плечо планшет и пошел в сторону леса. И вот тут-то у меня возникла нешуточная проблема. А куда собственно идти-то, точнее в какую сторону?

Вокруг стояла полная тишина, если не считать пение птиц и шума ветра в кронах деревьев. Ни рёва автострады, ни гула подмосковных электричек, которыми расчерчены в округе все ещё оставшиеся леса. И где бы ты не находился, обязательно должен был услышать рёв проходящего поезда. А тут вообще ничего, тишь да благодать. Поднял глаза к небу, но даже в голубой выси, не заметил знакомых следов от пролетевших по нему самолетов. А вокруг меня стоял лес, и не жиденький, подмосковный, в которых я часто бывал, собирая грибы. А самый, что ни на есть Сибирский, прям как у меня дома. Одним словом-тайга!

Но делать нечего! Не тут же в самом деле, мне на полянке загорать, тем более что за мной никто не торопится, справиться о моём самочувствии, поэтому придётся идти самому. Как говориться. – Если гора не идёт к Магомеду, то Магомед сам припрётся к горе!

Покрутив головой, определяя направление сторон света, попытался сориентироваться на местности, в какой стороне может располагаться моя воинская часть. Но не по каким признакам так и не смог прикинуть её месторасположение. Поэтому решил идти по пути наименьшего сопротивления, двинув строго на север. Тем более, что в той стороне, на сколько я мог видеть, и лес не такой заваленный, можно идти не особо маневрируя вокруг ухабов, да закладывая зигзаги вокруг вывороченных с корнями деревьев.

Это меня немного приободрило, ведь, когда ещё выпадет такая возможность, безмятежной прогулки по лесу, когда голова совершенно не болит о воинской службе. Мне сразу вспомнились случаи, когда дома ходил на охоту. Сперва с отцом, а когда подрос и окреп, то уже и с друзьями, а когда и совсем в одиночку.

И так я двинулся, как мне казалось, в верно выбранном мной направлении. А там время покажет, так ли оно!

Прошло совсем не так много времени с того момента, как человек покинул ничем неприглядную на первый взгляд полянку и направился в лес. Как в безоблачном небе раздался раскат грома и в землю, в самый центр поляны, ударила яркая молния, рассыпавшись по земле снопом ослепительных искр. И в мгновение ока на её месте оказался статный, высокий старец, с длинной седой бородой-лопатой, что доходила своей длинной до его груди, одетый в добротную кольчугу, сияющую ослепительным блеском в лучах полуденного солнца. И с ниспадающим с плеч до самой земли ало-красным плащом. В сильных руках, переплетёнными тугими канатами мышц, он сжимал огромную секиру, насаженную на длинную рукоять. Которой тут же стукнул оземь и произнёс слова, слетевших с его уст с таким грохотом, будто с крутой горы пошла каменная осыпь. – Отзовитесь же на мой призыв, ибо нуждаюсь я в Вас!

Не успел он произнести последнее слово, как в паре шагов от него, прям из земли, буквально совсем из ничего, вспыхнул небольшой огонёк, моментально превратившись в огромный костёр, величиной с рост человека. Прямо из которого вышел такой же, как и он высокий, крепкий старец, с покладистой, седой бородой и такими же густыми бровями, сросшимися на переносице. И тут же начал осматриваться, вертя в разные стороны изрезанным глубокими морщинами лицом. Только в отличие от него, сжимавшим в руке узловатую палку-посох. Взглянув на звавшего, он тут же сделал шаг в сторону, тем самым освобождая дорогу вышедшему за ним следом еще одному человеку, которому так же, как и ему, пламя не причиняло совершенно никакого вреда.

– Вы как всегда первые! – пробасил воин, а в том, что именно им он и был, не возникало никакого сомнения.

– Что стряслось, брат, что решил ты собрать нас всех вместе? Ведь твоего призыва я не слышал, уже почитай, как несколько столетий. – Обожди. – перебил его старец в красном плаще. – Не все ещё откликнулись на мой зов, сперва подождём остальных.

А в то время, пока они говорили, из леса вышел огромный медведь и ударившись оземь, обернулся здоровенным мужчиной, только теперь вместо плаща у него за спиной свисала всё

та же медвежья шкура. Одновременно с этим, с другой стороны поляны подул сильный ветер, разметав одежды собравшихся. И так же неожиданно стих, оставив вместо себя ещё одного необычного гостя. Следующий появился прямо из небольшого облака, что неторопливо спустилось на землю, моментально растаяв. Ещё один выскочил из огненного шара, напоминая своим видом и размерами, шаровую молнию.

Прилетая, вылезая, превращаясь, или выходя из неоткуда, вот таким необычным образом, постепенно, поляна заполнилась двумя десятками, на первый взгляд довольно странных людей. Большая половина из которых выглядела глубокими старцами, но крепкими телом и с ясными взорами, способными дать фору любому из молодёжи, что составляла другую половину собравшихся.

Появившийся первым, окинул внимательным взглядом собравшихся, что тем временем встали кругом, охватив им целиком всю поляну, чтоб каждый из них мог отчетливо видеть и слышать всё, что здесь происходит. Наконец произнёс. – Я вижу, что почти все в сборе. – после этих слов все собравшиеся переглянулись, попутно поздоровавшись друг с другом и стали ждать продолжения его речи. Но тут земля дрогнула, не дав заговорить. Люди непроизвольно качнулись, но тряска длилась всего мгновение, и тут же выровняв равновесие, усталились на центр поляны. Где в это время начал расти земляной холм, быстро увеличиваясь в размерах, пока не достиг соей высотой небольшого кургана. На мгновение закончив расти, он моментально рассыпался под ноги собравшимся огромными комками земли, однако при этом никого из них не задев.

– Ну а теперь все! – закончил воин свою фразу, прерванную небольшим землетрясением. – Я рад, что и ты, брат Чернобог с нами. – последнее им сказанное, уже относилось к огромному чёрному змею, что находился в самом центре собравшихся, и гневно взирал на всех остальных своими желтыми змеиными глазками.

– Не могу ответить вам тем же! – прошипел в ответ змей.

– Но всё же ты здесь! – парировал его нападки совсем ещё молодой паренёк. На что змей резко повернул к говорившему голову, и открыв огромную пасть с высунувшимся из неё раздвоенным языком, угрожающе зашипел.

– Ну-ну. Кто это у нас здесь? А, Дажьбог, сын моего неугомонного брата. Давно не виделись, дайка я тебя обниму. – и змей шурша чешуйками своего панциря начал разворачивать огромные кольца.

На что говоривший лишь равнодушно поводит скулами, и вызывающе выпятил вперёд свою грудь, на встречу приближавшейся опасности.

– Прекратите! – шагнул вперёд воин в красном плаще и предупреждающе покачал своей огромной секирой. – Я не за этим вас звал. – все посмотрели в его сторону, и только змей, как ни в чем не бывало, словно его всё это никак не касается, спокойно отполз за круг собравшихся к краю поляны, и там устроившись поудобнее, прошипел. – И так, скажи им, зачем ты их звал? А я тем временем немного вздремну. – и не дожидаясь ответа, опустил здоровенную голову себе на конец хвоста.

– А ты разве не хочешь этого знать?

Змей приоткрыл один глаз, в котором полыхнул жёлтый зрачок. – Я и так это знаю!

– Тогда зачем же ты здесь?

– А за тем, чтоб посмотреть на ваши жалкие потуги, как ты Перун, пытаешься остановить неизбежное. Раз уж если сам наш создатель, Великий Род, предпочитает в это не вмешиваться, то тебе, и давно не стоит.

– О чём это он? – понеслось хором со всех сторон. – среди собравшихся началось негромкое перешёптывание.

Перун убрал секиру за спину, вскинул вверх руку призывая всех к тишине. – Да, я позвал вас, чтоб обсудить случившееся. – он сделал паузу, чтоб все смогли осознать смысл услышанного.

– Что ты хочешь сказать? – заговорил мужчина в золотистой накидке, что, переливаясь на солнце, блестела словно огонь.

– А то, что в наш мир неизвестно каким образом проник чужак, который прямо сейчас находится в нескольких верстах севернее от этого самого места.

– Кто он? – вперёд вышла молодая женщина, которых среди собравшихся насчитывалось всего пятеро. Но в отличие от остальных, она хоть и была воплощением самой женской красоты, но в то же время от неё веяло и ледяным холодом. – Неужели это один из Старых богов, что до сих пор лелеют надежды отомстить нам за своё низвержение?

– Нет, Марана. Всё намного запутаннее, он простой человек!

– Че-ло-век! – по слогам повторила она, с неподдельным удивлением на лице, которое исказило до того её прекрасное личико. А вслед за ней вновь поднялся гул среди всех остальных. – Уж не хочешь ли ты нам сказать, что собрал всех нас из-за какого-то смертного!?

– Обожди! – перебил её старец, одетый в длинное белоснежное рубище, которое к тому же постоянно находилось в движении, словно под ним всё это время гулял непрекращающийся сквозняк. И уже было готовая сорваться на крик от негодования Марана, закрыла свой раскрытый от удивления рот, сделала шаг назад, заняв своё прежнее место в кругу остальных. Давая тем самым возможность высказаться следующему, но при этом не прекратила прожигать Перуна взглядом полным призрания.

– Что же в нём такого особенного, что вызывает твоё опасение? – тем временем продолжал этот старик. – Ведь не мог же простой человек так тебя обеспокоить?

– Верно говоришь, не мог! – Перун кивнул головой в знак согласия.

– Тогда, почему из-за него ты всех нас собрал? Объясни поподробнее. – после сказанного наступила полная тишина. Все без исключения смотрели на грозного Перуна-бога дружин, который сейчас выглядел озадаченным, подбирая слова для ответа. Наконец он совладал с собой и выпалил подобно раскату небесного грома, что отозвался громким эхом в лесу.

– Да потому я и собрал вас, что как я сам смог заметить, человек этот совершенно не из нашего мира! Его здесь не должно было быть, и я хотел бы разобраться, как такое стало возможным, и что нам всем теперь с этим делать? – и тут он сурово нахмурил брови, явно о чём-то припоминая. – Погодите-ка! – все замерли, ожидая что же он скажет дальше. – Макошь! – он повернулся в левую сторону к женщине, стоявшей через трёх человек от него, что выделялась из всех собравшихся, своим ярко-красным платьем. И подняв могучую руку, указал напрямиком на неё. – А кому, как не тебе ли об этом знать, ведь именно ты прядёшь Полотно всего Мироздания?

От этих слов женщина вздрогнула, и под внимательными взглядами всех собравшихся, как-то сразу уменьшилась в росте. Но на этом всё не закончилось. Она и дальше продолжала уменьшаться в размерах до тех пор, пока стала ростом не выше чем сгорбившаяся старушка. И тут её с головы до ног начал окутывать густой серый дым, что начал подниматься прям из-под её ног. Так продолжалось всего короткий миг, пока он не окутал её целиком, после чего дым рассеялся, но на месте стоявшей женщины уже никого не было.

– Я уверен, что она вам ничем не поможет! – прошипел Змей с края поляны, заявление которого стало неожиданностью для всех.

Все моментально обернулись к нему. А тот как ни в чём не бывало положил обратно свою огромную голову на свёрнутое в клубок тело и никого не замечая, продолжил. – Вы! Светлые боги, что живёте в светлой Праве, постоянно предаваясь праздничной жизни, а также часть своего времени блуждаете в мире людей. И почти никто из Вас не смог заметить того, что грани всех трёх миров, Явь, Навь и Правь колыхнулись, наползая своими краями тесно сопри-

коснулись друг с другом. Пусть всего на крохотное мгновение, но этого может быть вполне достаточно, для того, чтоб повлечь за собой уйму необратимых событий.

Из круга вышел ещё совсем молодой юноша с безусым лицом и зашагал в сторону Змея, остановившись от него всего в полшага. – Так если грань Нави прорвётся, то это тебе будет только на руку, так как ты единоличный хозяин Подземного мира!

Змей лениво повернул к нему голову. – А как по-твоему, зачем мне тогда будет нужен Подземный мир, если все твари, что находятся сейчас в нём, повывлазят оттуда наружу?

– Как зачем? – такого ответа тот явно не ожидал, но быстро пришёл в себя. – Чтоб захватить Явь и уничтожив в ней всё живое! Ты ведь давно об этом мечтаешь? И предпринимал для этого немало своих усилий.

– Остынь, Ярило. – охладил пыл молодого бога солнца, более старый Сварог. – Ящеру это тоже ни к чему. Он хоть и не оставил своих попыток прорваться в Явь, но не таким образом. Для него это будет худшим из всех возможных вариантов.

– Рад, что хоть кто-то меня понимает. – прошипел Змей, изобразив на своей пасти некое подобие улыбки.

– Тогда может это сам Род послал его к нам, по каким-то только ему ведомым соображениям? Или он уготовил ему что-то неведомое для нас? – предположил седовласый старик, до этого скромно молчавший, и мирно смотревшим за разгорающимся спором богов, в явно скучающей позе.

– А вот ты, Числобог, если такой самый умный, и смог придумать Систему всего Упорядоченного во Вселенной, вот и спроси у него. Не причастен ли он к этому? – тут же предложил ему Змей.

– Не получится! – старик развёл в горьком сожалении пустыми руками. – Вам всем не хуже моего известно, что Род уже давно ни с кем из нас не разговаривает. И вообще, последний раз его видели в обличье сокола, что пролетал над Миром, осматривая всё Мироздание. После чего он вновь вернулся к себе на седьмой уровень небес. А туда не каждый из нас вхож, а некоторым и вовсе нет ходу. Теперь он только оттуда и смотрит на сотворённый им мир, и предпочитает больше ни во что, не вмешиваться. Так что боюсь, здесь нам самим придётся искать непростое решение.

В это время на месте исчезнувшей Макошь, вновь появился сгусток сизого дыма. Он быстро продолжал расти, поднимаясь кверху, и вот рассеявшись выпустил из себя прежнюю женщину. Одного только взгляда на которую было достаточно, чтоб понять, что она не на шутку взволнована! А та, видя прикованное к себе всё внимание, сходу выпалила. – Перун прав! – все моментально закончили спорить, вернулись на свои места. Даже Ярило, и тот, отскочил от змея и занял своё прежнее место.

– Я со своими помощницами Долей и Недолей проверили всё Полотно Судьбы от начала и до конца, на несколько раз. И как мы не пытались, найти нить судьбы этого человека, у нас из этого ничего не вышло. Ещё утром этого человека просто не существовало в нашем мире, и вдруг, ни с того, ни с сего, он в нём появляется. И не просто появляется из общей картины узора, как это обычно бывает. Когда каждая нить оканчиваясь или переплетаясь с соседней, порождает продолжение следующей. Он же не был рождён в нашем мире, не воскрешён, если бы был некогда мёртв, даже не сотворён кем-то из нас. – замолчала, давая всем осознать сказанное. – А именно появляется из неоткуда! Его нить начинает вплетаться в полотно прямо по его центру. Оставив свободно торчащим тот край, с которого и начинается плетение, не соприкасаясь с теми нитями, благодаря которым она и должна была появиться в общем узоре. Словно её туда кто-то нарочно продел. Но такое под силу только одному Создателю. – выговорившись она замолчала, виновато опустив голову, словно в том, что случилось, была и её вина.

– То есть Полотно нам не подскажет, откуда он взялся и что ему здесь может быть нужно? – больше утверждая, чем спрашивая, произнёс Перун.

– Нет. – понуро ответила Макошь. – Могу сказать точно только одно, он простой человек! Но при этом его дальнейшая судьба нам пока не известна.

– Так может его нужно просто убить. – предложил Велес, поправляя на плечах свою медвежью шкуру, что съехала на бок. – Давайте, я просто отправлю по его следу стаю своих верных волколаков, и делу конец. Подумаешь, он ведь просто смертный, даже не герой, которому на роду написано свершение великих подвигов, что нам только что и подтвердила Макошь. Сколько их тут таких бродит? Одним больше, одним меньше! А так, не будет его, и голову нечего будет забивать по этому поводу.

– Людей много. – согласился Перун. – Только вот он такой один, и мы пока доподлинно не знаем, как он тут очутился, и что ему нужно? Вероятно, что ему в этом кто-то помог. Но для какой цели? И поэтому я предлагаю следующее. – все моментально превратились в слух, ждав решения одного из старших богов, который имел на то право. – Раз пока видимой угрозы для нашего мира он не представляет, то давайте на время оставим его в покое. – внимательно осмотрел всех собравшихся. – Кто из вас мыслит также как я?

Почти все стоявшие в кругу сделала два шага назад, оставив теперь уже в его центре всего двоих, Марану и Велеса. Последний нахмурился. – Ну, как хотите.

– Если кому-то будет интересно. – прошипел Змей, про которого все уже похоже забыли. – То тут я полностью согласен со своим братом. – и концом своего хвоста тыкнул в сторону Перуна.

Тут воспользовавшись замешательством взяла слово Марана. – А как же тогда Навь и Явь? Не ты ли, Перун, собрал нас из опасений прорыва потусторонними тварями её границ из Загробного Мира, который к тому же граничит с самим Хаосом.

– Подожди. – громыхнул бог грома. И видя, что та моментально замолчала, уже более сдержанно продолжил. – Я повторяю, мы его пока оставим в покое. – сделав явный упор на слове пока. – Но тем не менее, будем за ним постоянно приглядывать, может, что и разознаем в итоге. А там уже будем принимать решение, как нам с ним поступить. А пока всем нам лучше обратить свой взор на границы с Тёмной Навью, и проверить на прочность их нерушимость для её обитателей.

– Хорошо, только б не было поздно. – согласилась Марана, и не дожидаясь ответа, тут же начала растворяться в воздухе.

Перун окинул суровым взором оставшихся, на мгновение задерживая взгляд на лице каждого из них. Те в свою очередь перед тем, как покинуть поляну, давали утвердительный кивок головой, соглашаясь со всем ранее сказанным. И только уже после этого начинали покидать поляну, на которой они собрались.

Покинули они её тем же образом, что и на ней появились. Кто превращался в огонь, кто в зверя и птицу, а кто просто таял в лучах заходящего солнца. Только один Змей задержался перед тем, как зарыться обратно в землю. Он повернул голову к Перуну и прошипел на прощанье.

– Хоть я и недолюбливаю вас, небожителей, но я думаю, что ты принял верное решение. – Перун удивлённо взглянул на него. – Только с одним маленьким исключением. – договорил он.

– Что ты задумал? – воин погладил рукоять огромной секиры.

– Ничего особенного, брат. – миролюбиво прошипел тот. – Пока вы за ним наблюдаете, я в это время его ещё немного пощупаю. Нам же нужно знать с кем или чем нам предстоит иметь дело?

– Только не убивай его! – громыхнул Перун.

– На этот счёт не беспокойся. – Змей одним ловким движением выпрямился в огромную струну, балансируя на кончике своего хвоста, и развернувшись, со всего маха ударился головой об землю, пройдя её как горячий нож сквозь топленое масло. Оставшаяся после такого страшного удара воронка, моментально затянулась, как только змеиный хвост скрылся внутри.

Будто ничего и не было на том самом месте до этого, даже трава в округе осталась на своём месте совершенно нетронутой.

Скитания начинаются

Вот уже и солнце начинает потихоньку садиться, а в лесу как известно, темнеет раньше, чем на равнине. Вопреки моим ожиданиям, я так и не встретил на своём пути ничего такого, что могло бы мне помочь в выборе моего направления выхода из леса, или хоть как-то бы указало, в какой стороне находится моя часть.

Я рассчитывал выйти на трассу, но мне на пути не повстречалось не только никакой дороги, как железной или автомобильной, но даже самой захудалой, просёлочной. Зато я пережёг два глубоких ручья, в которых смог немного освежиться. Жаль только с собой воды набрать было не во что. Но я особо не переживал по этому поводу, рассчитывая, как можно поскорее выйти из этого, уже порядком начинавшего меня нервировать леса. Но видимо до ночи, мне было этого сделать не суждено. А в темноте идти по лесу не самый лучший из вариантов, можно и глаз на сучке оставить, или ногу сломать, не заметив провалившись в какую-нибудь яму. Так что мне ничего не оставалось, как побыстрее подыскать себе удобное место, для ставшей уже неизбежной ночёвки.

Выбрав подходящий вариант под здоровенным дубом, я решил на этом прервать свои поиски до утра. Пока не стемнело окончательно, я развёл небольшой костерок, не забыв позаботиться и о дровах на всю ночь. И особо не мудрствуя, завалился рядом с костром, подложив под голову офицерский планшет. И только выпрямившись во весь рост, почувствовал, как понемногу начинают гудеть мои уставшие ноги. Чтоб немного снять с них напряжение, стянул с себя бронезилет с берцами. Чтоб дать отдохнуть вспотевшему телу с ногами, до кучи снял мокрые носки и бросил их на соседнюю ветку сушиться. После чего снова прислушался к своим ощущениям. Вот, так было намного лучше! Отмахать весь день в броннике весом около 15 кг, скажу я вам, то ещё удовольствие.

Но не смотря на всё это, сильной усталости я не испытывал. Устал конечно, но всё, как говорится, в пределах нормы. Сказывалась моя военная подготовка, да и сам по себе тепличным растением я никогда не был. Постоянные занятия спортом, помноженные на службу в армии, давали свои положительные результаты. Но вот один небольшой, но существенный дискомфорт я всё же ощущал, это неотъемлемое чувство голода. Как поговаривал мой командир роты, когда я ещё был курсантом в военном училище: “– Не желудок управляет тобой, а ты желудком”. – и я с ним в этом был полностью согласен. Поэтому организм хоть и требовал пищи, но пока на это можно было не обращать никакого внимания, и потерпеть.

Хотя стоп, у меня появилась идея. Делать мне сейчас всё равно нечего, почему бы не попробовать старый дедовский метод, и не поставить петлю на зайца. Чем чёрт не шутит, вдруг да попадётся. Тем более, что пока я шёл по лесу, не раз пересекал звериные тропы. Хотя это странно. Я всё ещё упорно верил, что нахожусь где-то в Подмоскowie, а там уже давно не водится столько зверья, которое способно вытоптать целые просеки. Но другого объяснения этому я пока не мог найти.

Достав из планшета сапёрный нож, я срезал с кителя два шнурка, что были в нём предусмотрены для подгонки обмундирования по талии. И сделав две небольших удавки, протёр их свежими листьями, сорванными с дерева. Тем самым убив въевшийся в них свой запах пота. Зайцы хоть и плохо видят, зато хорошо слышат, и у них до кучи, прекрасное обоняние, а так мои шансы на успех немного возрастают. Накинув на босы ноги ботинки, я направился подальше от места своей стоянки, ища подходящую тропку для установки только что изготовленных мною удавок. В сгущающихся сумерках мне довольно быстро удалось осуществить задуманное. Установив две петли, при этом не сильно веря в удачу их работоспособности,

потому что, на самом деле их делают из металлической проволоки, а никак не из толстых поясных шнурков. Но может и в такую петлю кто попадётся. После чего вернулся обратно к костру.

Заняв прежнее место, закрыл глаза и попытался уснуть. Но нескончаемый поток мыслей никак не давал мне этого сделать. Особенно меня не покидала одна наиболее навязчивая. Что же со мной произошло? Но с большим трудом всё же заставив себя не думать об этом, постарался переключиться на воспоминания о своей инженерно-сапёрной роте.

Закончив Тюменское Военно-Инженерное Командное училище, в звании лейтенанта, по распределению, для прохождения дальнейшей военной службы, попал служить на восток. В сапёрный полк, на должность командира дорожного взвода, который дислоцировался на станции Туринская, в 80 км от Читы. Но на самом деле от того полка, после очередных армейских сокращений, там оставалось всего две полные роты. И как любили поговаривать у нас в училище: – Есть чудесные места, где твориться полная жопа, но ещё есть места, которые могут сравниться только с дыркой в той самой жопе! И прослужив в этой самой дырке около года, понял, что и сам начинаю понемногу деградировать. И при первой же возможности, перевёлся в другую воинскую часть. На тот момент мне было всё равно куда, лишь бы подальше от этого унылого забвения, где служба, только зовётся службой.

На этот раз меня отправили на другой конец нашей, действительно необъятной Родины, в заполярье, в Мурманскую область, на самую границу с Норвегией. Где я и прослужил два года, в отдельном саперном батальоне мотострелковой дивизии. Где за это время успел стать старшим лейтенантом, командиром дорожной роты. Не раз скататься в командировки, в не совсем спокойные регионы нашей, как необъятной, так и не спокойной Родины. Обзавестись неплохим как армейским, так и боевым опытом. И всё бы ничего, но пришла новая волна армейских репрессий, поднятая жирным, тупорылым ставленником, нашего “глубокоуважаемого”, на тот момент, верховного лидера. И меня отправили для прохождения дальнейшей службы на должность командира отдельной инженерно-сапёрной роты, уже в танковую дивизию, что собственно и находится в Подмосковье, где я и служу уже пять с лишним лет. И несмотря на то, что я уже давно капитан и давно должен получать майора, на предложения, в дальнейшем стать начальником инженерной службы, так сказать, пойти на повышение, я всякий раз отвечаю отказом. Не по мне сидеть в штабе на бумажной работе, и протирать штаны.

Да и вложил в эту роту я очень много. Когда я был назначен в неё командовать, в это время там царила полнейшая анархия. Потому, что как раз часть переходила на контрактную основу. И тот контингент, который в неё набирали, был мягко говоря, не совсем управляем. И когда рота была окончательно укомплектована, мне пришлось в буквальном смысле слова, жить в ней около двух месяцев, пока она не стала хоть из дали напоминать воинский коллектив. Ну а дальше уже пошло получше, когда я переломил чашу весов в свою сторону, то и служить стало легче, как мне, так и солдатам. Позднее, когда комплектование части было закончено, то опять начались командировки по оказанию гуманитарной помощи в разминировании, теперь уже не таких нам и дружественных, и как оказалось вовсе не братских, республик. К слову сказать, не из всех тех командировок, мы возвращались полным составом.

И только всё вошло в своё русло, как нет. Вновь на волне реформирования нашей могучей армии, начала вырисовываться полная жопа. Не было печали, но на сей раз решили сократить срок службы солдатиков. Убрать частично контрактников, и заменить их сперва на полтора, а потом и вовсе, сопливыми годичниками. Которые в основной своей массе, как приходили с гражданки любителями маминых пирожков, такими же туда и возвращались. На что, как-то раз, один такой солдатик мне заявил, что они в этом не виноваты, что их призывают не на два года, как раньше, а на один. Тут я с ним полностью согласен. Ведь у нас всё как обычно, армией командуют такие министры, которые в ней не только не служили сами, так ещё ничего и не смыслят в этом. А о вооружённых силах знают только понаслышке. Но на что я ему ответил. – Но вы виноваты в том, что пусть и на год, но вы, в основной своей массе,

конченное поколение гамбургеров, которое кроме компьютеров, больше ни в какую сторону развиваться не хочет. Да и половина из вас выглядит соответствующе, ничего кроме полтора центнера диетического сала, в вас нет. Того и гляди, ещё и меня сожрёте. И при этом попробуй из вас за год сделать некое подобие человека. Что в последствии и оказалось на практике.

Когда часть личного состава роты отправляли в очередную командировку. Мне вдруг на сотовый позвонила мама одного такого солдата, который входил в состав этой самой группы. Сперва она меня оскорбляла, затем уже начала угрожать. Почему это я, видите ли, решил взять с собой её сына. Ведь там очень опасно, и его могут убить. Почему я вместо него не возьму кого-то другого. Ведь его же ждут дома, у него даже невеста есть. И она будет жаловаться по данному поводу сперва в “комитет беременных солдат”, затем такому же военному, а уже потом, всем кому только можно, вплоть до самого президента, который и заварил эту кашу.

Я сперва довольно спокойно всё это выслушал, но потом меня прорвало. Опускаться до оскорблений я всё же не стал, ведь она всё-таки мать, и её можно в чём-то понять. Но всё же я высказал ей всё, что думаю по этому поводу. Во-первых, мы находимся не в детском саду, где всем вытирают соплю и попу. Во-вторых, других солдат ничуть не меньше, чем его ждут дома. А он включён в состав этой группы по причине того, что этих ребят я лично, готовил к предстоящей командировке. И в конце-то концов, я ведь тоже туда еду. И для неё, наверное, будет большим откровением, но у меня тоже есть мама, только в отличие от её сына, которой я не рыдаю по телефону, а всегда говорю, что у меня всё хорошо, как бы то ни было на самом деле. А может мне тоже стоит ей позвонить и поплакать о том, как мир несправедлив по отношению ко мне, чтоб она тут же перезвонила командиру части и попросила его не отправлять меня туда, куда я этого сам не хочу. Мол и без меня разберутся, мало что ли таких дураков. После выслушивания её пятнадцатиминутного плача, который вслед за этим последовал, я не стал её слушать дальше, а просто отключил телефон.

К слову сказать, в той командировке нам тогда было не сладко, но назад мы все вернулись целыми и здоровыми, обошлось даже без трёхсотых¹. Но этого солдата, я тогда всё же в последний момент, взяв грех на душу, поменял на другого. Но, перед убытием в командировку, поставил задачу остававшемуся за меня командиру взвода, чтоб он в кратчайший срок, перевёл его из моей роты служить дальше в зенитный дивизион. Пусть он там, до конца своей службы стирает ароматные носки товарищам с Дагестана, потому, что в своей роте я все-таки поборол данное обстоятельство.

Придавшись воспоминаниям, сам не заметил, как вырубился. Проснулся я оттого, что, не смотря на лето, всё же немного продрог. Солнце уже давно встало, и судя по беззаботному пению птиц, время было уже где-то часов пять-шесть утра. По привычке взглянул на часы, но они так и не ожили, показывая всё также половину первого. Выкинуть бы их за ненадобностью, промелькнуло в голове, но как-то жалко, да и без часов на руке я чувствую себя как-то некомфортно. Пришлось прибегнуть к помощи телефона, так и есть, время почти шесть. Потрогал носки, те хоть и просохли, но окончательно превратились от пропитавшего их пота, в грозное оружие австралийских аборигенов, смертоносные бумеранги. Прежде чем одевать на ноги, пришлось сперва их хорошенько перед этим размять.

1 – Трёхсотый – военная формулировка, обозначает раненный, которого должны сопровождать два врача и мед. оборудование, условно общей массой 300 кг. для транспортировки по воздуху, отсюда и название.

Сделав нехитрую разминку, чтоб разогнать кровь и немного согреться, я направился на осмотр своих силков. Какого же было моё удивление, когда в одной из петель, болтался здоровенный заяц. Это не могло не радовать, но вот ещё бы воды где найти? Побродив в округе от места ночёвки, я наткнулся на небольшую, но довольно чистую лужу, что собралась в небольшой ложбине. Пить конечно я её не рискнул, но вот чтоб умыться самому и промыть освежё-

ванного зайца, вполне подойдёт. Разделавшись с дичью, я тут же нанизал мясо на прутья, благо опыт у меня в этом имелся, и понёс их жариться на костёр.

Пока мой шашлык готовился, я вернулся обратно к найденной мною луже, чтоб смыть с себя остатки заячьей крови. Сидя на корточках я неторопливо мыл руки, попутно озираясь кругом. И тут мой взгляд остановился на куче следов, что были основательно вытоптаны вокруг неё. Сперва, на радостях от попавшего в петлю зайца, я не придавал им никакого значения. Но сейчас, внимательно приглядевшись, в оставленные на земле отпечатки, я почувствовал, как моя спина начинает холодеть, покрываясь мелкими мурашками. Эти следы я знал очень даже хорошо, чтобы их спутать с другими. Хоть мне и далеко до опытных охотников, но волчий след ни с чьим другим не перепутать. Тем более, такой крупный и чёткий. Я попытался себя успокоить тем, что это собачий, но сам же прекрасно знал, что это не так. Потому, что в добавок к следам, на ветке нашёл зацепившийся за неё клочок серого меха.

Тут же бросив своё омовение, быстро добежав до костра и не стал ждать, когда мясо окончательно прожариться. По принципу, горячее сырым не бывает! Просто скинул его в свой планшет, по дороге поем и затушил остатки костра. Одел бронжилет с каской, сразу почувствовал себя немного увереннее. Хотя какая эта к чёрту защита от хищников. И постарался побыстрее отсюда убраться, как можно быстрее и дальше. Судя по количеству следов, волки либо часто используют эту лужу для водопооя, либо ходят большой стаей. Не один из вариантов на себе, мне проверять совсем не хотелось. Поэтому я направился быстрым шагом, обходя по большой дуге эту злосчастную лужу.

Откуда здесь волки, да ещё с таким огромным размером лапы, чуть ли не сорок пятым? Этот факт меня не на шутку тревожил.

Попадись им безоружным, и наврядли от тебя что-то останется. Поэтому я решил хоть немного, но вооружиться. Выбрав подходящее деревце, отломал длинную ветку и заточил её с одной стороны, получилось неплохое двухметровое копьё. Вот так-то будет лучше!

Дальнейшее моё продвижение по лесу, уже не вызывало у меня никакого энтузиазма. Даже съеденный мной полусырой заяц, нисколько не улучшил моего настроения. Теперь я шёл намного осторожней, стараясь как можно меньше шуметь, постоянно замирая и прислушиваясь к малейшему шороху. Готовый в любой момент воспользоваться своим импровизированным оружием. Но в то же время всей душой жаждающим, чтоб этого не пришлось делать.

Так время приближалось к обеду, а я всё неторопливо двигался по лесу. Периодически замирая при звуках резко вспорхнувшей на моём пути с веток птицы, и лишь убедившись, что виновником её бегства являюсь я сам, продолжал движение. По моим подсчетам я отмахал за два дня уже около двадцати километров, а так и не приблизился ни к одному из населённых пунктов. Может мне следует изменить своё направление. Прислонившись к стволу дерева, сполз по нему на землю, чтоб перевести дух и немного собраться с мыслями. Получается следующее. Я понятия не имею в какую сторону мне надо идти, но то, что идти надо-это неоспоримый факт. Надо добраться хотя бы до ближайшей дороги, а там уже разберёмся. И заставив себя подняться, пошёл дальше.

Впереди лес понемногу начинал редеть. Всё чаще стали попадаться корявенькие берёзы, с вырастающими из земли кочками. И под ногами по мере моего продвижения вперёд, из-под примятой почвы начинала проступать сырость. Это не хорошо, отметил про себя я. Явный признак заболоченности. В болото угодить мне сейчас только не хватало, для полного счастья. Пришлось срочно менять направление и двинуть немного западнее. Только выйдя на твердую землю, я вдохнул с облегчением.

Дальше на моём пути стали попадаться ягоды: костянка с земляникой, немного малины, что росли на небольших залитых солнцем полянках. Пренебрегать таким подарком, в моей ситуации было бы непростительной глупостью. И хоть наестся ими было невозможно, но это всё же лучше, чем ничего. Ближе к вечеру решил ещё и грибов подсобрать, на которые до этого

не обращал никакого внимания. Хоть их попадалось и не так много, видимо ещё не сезон, но на ужин я себе всё же набрал. В том, что мне предстоит еще одна ночёвка в лесу, я уже несколько не сомневался. И поэтому решил позаботиться о припасах заранее.

И как только наткнувшись на очередной родник, что бил из земли возле поваленной сосны, я решил не идти дальше, а ночевать прямо здесь. На этот раз, пока ещё не стемнело, я сперва тщательно обследовал всю прилегающую местность. Убедился, что поблизости нет волков, или ещё кого. Поставил свои доказавшие пригодность петли. Только после этого развёл костерок и принялся сушить на нём свой нехитрый грибной улов.

Когда с грибами было покончено, сказать по правде, та ещё гадость, уже окончательно стемнело. И за кругом света, что давал мой костёр, я уже ничего не мог разглядеть. Только смутно угадывались силуэты деревьев, что в темноте не к месту разыгравшейся фантазией, напоминали страшных чудишь из голливудских ужастиков. Постаравшись об этом не думать, я завалился на землю и попытался уснуть.

На этот раз мне не пришлось долго ворочаться. Проснулся я от теплого ветерка, что приятно трепал мои волосы. И умывшись в ручье, направился проверять петли. Но на этот раз меня ждало разочарование, они были пустые. Придётся дальше идти на пустой желудок.

Достал телефон, попробовал сделать звонок, но связь так и не появилась. Плюс батарейка неуклонно разряжалась. Еще день и от телефона не будет никакой пользы. Да и пока, что толку с него мало, только и годится, что время на нём смотреть. А это самое время уже подходит к шести утра. И так как меня ничто не задерживало, то я сразу же двинулся дальше.

По пути делал короткие остановки, только если встречал небольшие ягодные полянки, чтоб хоть немного перекусить. Лес по-прежнему не казался враждебным, что позволяло немного расслабиться. И волчьи следы, что я обнаружил вчера, уже не вызывали такой тревоги, которую я ощутил, при их обнаружении.

Постепенно с окружающей меня обстановки я переключился на то, как же меня сюда занесло? Да и в части скорее всего, все меня уже давно потеряли. Командир так, наверное, вообще, рвёт и мечет. У него попробуй пропасть из поля зрения хоть на день, так сразу же записывал в бездельники и предатели. Хорошо хоть дома меня никто не ждёт. Под домом я подразумеваю комнату в общежитие, что мне выделило государство в военном городке при части. Из-за такой службы, совершенно нет времени для личной жизни. Да и как-то пока не сложилось у меня на личном фронте. Больше одного-двух свиданий, отношения с женским полом у меня не затягивались. Сейчас оно, наверное, и к лучшему. Поэтому повода для беспокойства на эту тему у меня не было, и то хорошо. Потому, что если в ближайшее время я не выйду из этого кажущимся бесконечным лесу, то может статься, что я в нем так и буду плутать не один месяц.

Выйдя на небольшую тропку, что петляла среди деревьев, я решил идти прямо по ней. Тем более, что по ней идти было намного легче, чем топтать напрямиком через лес. Да и выведет может меня куда-нибудь эта кривая.

Но чуда не произошло. Через несколько часов после того, как я надеялся хоть на какой-то результат, тропка просто взяла и растворилась среди буйной растительности, и дальше опять пошел непроглядный лес. А тут ещё, как на зло, по дороге ни одного гриба не попалось. Скоро опять устраиваться на ночлег, и на этот раз видимо совсем не жравши придётся ложиться спать. Пока не начало темнеть, я успел пройти ещё около шести-семи километров. Прежде чем мне подвернулся огромный дуб. В котором я разглядел приличное дупло, в которое без труда взобрался. И довольно удобно устроившись, решил переночевать прямо в нём. Только предварительно его вычистив от старой, перепревшей листвы, и заменил её охапкой свежей, нарвав её тут же с дерева. И не обращая внимания на оставшийся небольшой запах гниения, на этот раз стащив себя только бронежилет, лёг спать.

По утру я проснулся выспавшимся, но не отдохнувшим. Потому, что из-за тесноты древесного помещения, моя спина довольно сильно затекла. Выбравшись из дупла и усевшись на ветке, пришлось сперва делать растяжку, повиснув на ней на вытянутых руках. Болтаясь на суку, задрал голову и посмотрел вверх, прикидывая высоту самого дерева. Может взобраться на самую его макушку и уже оттуда посмотреть на всю округу. Высота этого “баобаба” в принципе подходящая. Дуб прилично возвышается над всеми остальными деревьями, что растут с ним по соседству. И я решил слазить на верх, и оттуда провести свою рекогносцировку¹, странно, что такая мысль не пришла мне в голову раньше. За что пока лез на верх я себя ни раз отругал.

1 – рекогносцировка – изучение противника и местности, с целью принятия командиром дальнейшего решения.

До самого верха я долез особо не напрягаясь, и раздвинув ветви на самой макушке, установился на раскинувшийся зелёный ковер крон деревьев, что росли повсюду, куда падал мой взгляд. Повертел ещё немного головой по сторонам, но так и не увидел для себя ничего нового. Всюду одно и то же: лес, лес, и ещё раз лес. Хотя нет. Где-то чуть ли не у самой кромки линии горизонта виднеется что-то похожее толи на дым от печной трубы, то ли это утренний туман поднимается кверху, или просто обычное марево. Во всех же других направлениях, совсем глазу зацепиться не за что было. Даже в голубом утреннем небе, и там нет ни одного следа от самолёта. – Что у них, опять керосин подорожал, что ли, что уже какой день никто не летает. – подсадовал я.

Спустившись на землю, облачился в свой неизменный бронежилет с каской, которые просто выкинул из дупла, чтоб те не мешались спускаться по дереву, перекинул через плечо планшет. Взял в руки своё импровизированное копьё и пошел в том направлении, где как мне показалось я видел дым.

Я прошагал весь день, но так и не достиг никакого результата. Лишь насобирал с десяток грибов, да пару горстей земляники, которую правда сразу и съел. Перед тем, как ложиться спать, я вновь поставил петли на зайцев и развел костёр. Подсушил на нём немного грибов, и сожрал их в сухомятку. Без соли вкус был довольно отвратный, несмотря на то, что я пытался заменить её недостаток золой. Но тут мне вспомнились занятия на уроках выживания, что преподавали в военном училище, где нам доводилось жрать всякую гадость, начиная с лягушек и ящериц, и заканчивая земляными червями. После такого, грибы мне показались просто деликатесом. А вот проводивший их подполковник, всегда любил повторять. – “Чтоб выжить на незнакомой территории, ты можешь жрать что угодно, хоть собственное говно. Блевать после этого, и снова жрать, то что выблевал. Твоя главная цель выжить, а не сдохнуть от голода. Иначе ты не сможешь выполнить поставленную тебе боевую задачу”.

Проснувшись первым делом убедился, что мой телефон окончательно “сдох”. И на помощь извне рассчитывать мне теперь точно не придётся. Плюс ко всему, на таком подножном корме, который я поглощаю последние дни, мой организм начинает не успевать восстанавливаться, после длительных дневных переходов. И теперь я начинаю ощущать пусть не критическую, но всё же усталость. И если так и дальше дело пойдёт, то я сперва начну резко худеть, а потом из своих ботинок выпадывать от усталости. И с этим надо что-то делать, в кратчайшие сроки.

Но что тут поделаешь? Силки мои опять оказались пустыми. То ли в первый раз заяц дурной в них попался, то ли мне просто повезло. Но больше никакая дичь в мои петли лезть решительно не хотела. Почесав начавшую покрываться щетиной щёку, с досадой смотав шнурки, кинул их обратно в планшет, и с досадой и пустым брюхом, пошагал дальше в лес. Только сейчас, ещё плюс ко всему меня начала мучать ещё и жажда. И было бы неплохо, поскорее

найти где напиться. Потому что, если ещё и без воды, то дела мои начинали приобретать совсем печальный характер.

Пройдя очередной километр, я вдруг заметил, что лес вокруг меня значительно поредел. Оглядевшись по сторонам увидел, что меня окружает множество пеньков. Подойдя к одному из них присмотрелся к нему повнимательнее, потрогал рукой. Дерево точно было спилено. Значит здесь деляна, на которой заготавливали дрова или лес. И их где-то непременно должны были складывать. А это значит, что должны быть и техника, и подсобные помещения и самое главное, люди. Однако обойдя всю округу, я так и не нашёл никакой лесозаготовки, но зато наткнулся на разбитую, и похоже, что уже давно заброшенную дорогу, которая успела зарости высокой травой. Явно указывая на то, что ей уже очень давно не пользовались. Но и то хорошо! Если есть дорога, то она куда-то да ведёт, и воспрянув духом, я двинулся прямо по ней.

На этот раз, я оказался прав. Пройдя по ней около двух часов, начал замечать, что чем дальше я по ней иду, тем меньше на ней прорастает травы, и попадаетея всё больше людских следов. Надеюсь на скорую встречу с людьми, я сам не заметил, как прибавил шагу.

И наконец, из-за поворота показался край деревянного дома, что был обнесён кругом неказистым забором. Я уже был готов сорваться на бег, но в последний момент меня что-то насторожило, не дав этого сделать. Сперва я даже не понял, что именно меня так встревожило. Но замерев на месте и прислушавшись понял, что не слышу ни шума техники, ни даже лая дворовых собак. Которые только учуяв чужака, должны были своим оголделым лаем переполошить всю округу. А эти звуки непременно должны сопровождать сельскую местность.

Подойдя чуть ближе к забору, увидел за этим домом ещё выступающих два точно таких же, что стояли от него чуть в стороне. Добротно срубленных из толстых брёвен, с покатыми крышами домиком. Большие окна с массивными ставнями, но лишённые излишней красоты в виде резных накладок, или какой бы то ни было краски. Приблизившись вплотную к ограде, схватился за её край руками, и чуть-чуть подтянувшись осторожно заглянул через забор.

То, что я там увидел, заставило меня моментально напрячься. Я резко соскочил обратно, и присел на корточки по эту сторону забора, лихорадочно завертев головой во все стороны, тем временем чувствуя, как волосы у меня на голове встают дыбом. Потому, что прямо у вывороченных с корнем ворот, которые были с другого конца ограды, в луже крови и кучи кишок лицом вниз лежала верхняя половина мужика. Именно половина. Вторая его, нижняя часть, лежала чуть дальше, где-то в пяти шагах от первой.

– Вот не хрена себе, выбрался к людям! – только и смог, что сказать. – Что тут твориться? – резко передумав заходить в дом, я крадучись прошёл дальше вдоль забора по улице. Стараясь оставаться под его прикрытием, чтоб не отвечивать. Черт их знает, что у них тут произошло? Лучше пока на рожон не вылезать. Добравшись до второго дома, осторожно заглянул внутрь ограды через огромную дыру в заборе, которая образовалась в нём из-за поваленного на землю пролёта, вместе с державшими его столбами. Здесь вроде бы никого, только так же глухо, как в танке.

Обойдя оставшиеся дома, которых набралось ещё пять штук, осторожно заглядывая через заборы, я смог рассмотреть только трупы растерзанных на куски собак, что так и валялись в оградах, залив весь двор своей кровью. Во время беглого осмотра в округе я не заметил никакого движения. Вокруг по-прежнему стояла гнетущая тишина, нарушаемая, пожалуй, только скрипом оконных ставень, качавшихся на ветру.

– Что-то мне подсказывает, что в живых я тут точно никого не найду. – и набравшись смелости, крадучись вошёл в один из домов, на всякий случай выставив перед собой свой деревянный кол.

Нет, трупов в своей жизни я конечно повидал достаточно много, даже больше чем хотелось бы, причём в разной целостности и состоянии. Но то, что ждало меня внутри дома, такого видеть мне ещё точно не доводилось. Сразу же у выломанных с корнем входных дверей, почти

на самом пороге, я наткнулся на труп ещё одного мужчины, что так же лежал в луже собственной крови. У него не хватало правой руки и была почти оторвана голова, что держалась лишь на тоненьком лоскуте кожи. Рядом с ним лежало тело молодой женщины, видимо его жены, у которой был только вспорот живот, с торчащими во все стороны кишками. Осмотрев поближе их уже давно окоченевшие тела, получалось, что они мертвы уже больше суток. Более детальное изучение дома дало мне только то, что здесь явно была борьба. На что чётко указывала перевернутая, и разбитая в щепки мебель, обильно заляпанная кровью.

– Я уже в остальные дома заходить боюсь. – но делать нечего, надо. И мои самые страшные опасения подтвердились. Во всех остальных домах оказалось практически тоже самое. Выбитые входные двери, и куча изуродованных тел с оторванными конечностями, что валялись тут же, неподалёку, в лужах уже давно запёкшейся крови. Жители явно от кого-то спасались, пытаясь укрыться у себя дома, но это видимо им нисколько не помогло. И самое страшное, что были среди этих истерзанных тел и детские. И каким бы циничным я не стал за годы службы в армии, но вот на детские трупы никогда не мог спокойно смотреть. Мне сразу же хочется тому, кто это сделал, вцепиться собственноручно в глотку и порвать его на куски голыми руками.

Выйдя на улицу, чтоб немного прийти в себя после всего увиденного, я попытался понять, что же тут всё же случилось, и что мне теперь со всем этим делать? Телефонов я здесь не заметил, даже столбов линий электропередач и тех у них нет. Нет ни техники, ни телевизоров, с какими бы то ни было бытовыми приборами. Одни только глиняные да деревянные черепки, вместо посуды, да и как я успел разглядеть, к тому же, странно они все как-то одеты.

Все в каких-то длинных рубахах, вместо привычной одежды, в которых судя из учебников истории, ещё в глубокую старину ходили. Телогрейки из шкуры, обувь из выделанной кожи, и тоже довольно странного пошива. Староверы они все что ли? Я слышал, что где-то на Дальнем Востоке еще остались такие вот поселения. Которые напрочь отвергают все блага цивилизации и чтят лишь один покон предков. Может это и есть они? Тогда что за кровавая резня здесь случилась? Судя по их ранам, то это точно не огнестрел, да и не волки или какое другое зверьё всё это с ними проделало. Те в дома так не захотят, выломав при этом на своём пути все двери. На проделки медведя тоже не тянет. Ведь даже если допустить саму мысль, что это натворило лесное зверьё, то почему тогда тела не сожраны, и даже не обглоданы. А лежат себе целёхонькие, ну почти половина из них целая, на прежних местах. И выглядит здесь всё так, как будто всех этих жителей, голыми руками рвал на части кто-то просто чудовищной силы. Чего в принципе быть не может. – Ничего не понимаю!

Забыв об усталости, я нашёл рядом с домами неглубокий овраг, куда и стаскал всех жителей этого злосчастного поселения. Выкопать яму необходимого размера я просто не смог бы. Поэтому аккуратно сложил всех в братской могиле, укрыл сверху взятыми в ближайшем доме одеялами и как мог, засыпал землёй. Когда я закончил с погребением, уже начинало темнеть. Ночевать здесь мне совсем не хотелось, но и в лесу я тоже ночевать не хотел. Поэтому починив дверь в одном из меньше всех запачканных кровью домов, я всё же решил переночевать в нём.

Изнутри дом был без всяких изысков. Разделён всего на две просторные комнаты, кухня с массивным столом из необструганных досок, и зал-он же спальня, с расположенными широкими лавками вдоль стен, поверх накрытых звериными шкурами. Сперва пошарив по сусекам, я отыскал котелок с задубевшей гречневой кашей, которую тут же слопал даже того не заметив. Напился воды из колодца и завалился спать прямо на земляной пол. Ложиться на лежанки мной только что погребённых я не стал. Также, в целях безопасности, не стал затапливать печь, чтоб не привлекать к себе излишнего внимания. А наглухо забаррикадировав входную дверь с окнами, зарылся в какие-то звериные шкуры в самом дальнем углу комнаты. Стараясь совершенно не думать о том, что здесь недавно произошло. Дневная усталость и напряжение взяли своё и вскоре я всё же уснул.

Пробуждение же было не из приятных. Открыв глаза, когда едва рассвело, я сразу же вспомнил всё, что было вчера. И жалея, что это не страшный сон, решил вновь пройти по другим домам в поисках чего-то съестного, перед тем как свалить отсюда подальше. Найдя небольшой матерчатый мешок, чем-то напоминавший солдатский вещь-мешок, бросил в него всё, что попадалось под руку, и было более-менее съедобным.

К моему сожалению, оружия среди прочего, я так и не нашёл, не в одном из домов, не забыв проверить так же и дворовые постройки. Но ничего кроме дохлой скотины с роящимися над ней тучей мух, там не было. Не то, чтоб ружья, даже какого-нибудь захудалого обреза, и того на весь околоток не сыскалось. Зато наткнулся на настоящий лук со стрелами, что были практически в каждом доме, да пару добрых ножей, что больше походили на здоровенные тесаки.

Посмотрев на всё это добро, я решил оставить свой планшет за ненадобностью. Вместо него повесил на плечи вещь-мешок, в который также бросил кожаный бурдюк с водой, позаимствованный у мёртвых хозяев, и немного харчей, которые только сумел отыскать. Поверх него закинул скатанное в рулон шерстяное одеяло, которое будет мне совсем не лишним в лесу. На поясной ремень, который некоторые почему-то зовут португеей, повесил ножи, достигавшие своей длинной мне чуть ли не до колен. И немного подумав, набил полный колчан стрелами, прихватив так же один из луков. И поспешил поскорее убраться отсюда, как можно дальше. Намереваясь, как только выйду из леса на свет божий, немедленно сообщить о случившемся здесь.

С противоположной, от стороны, которой я сюда пришёл, виднелась небольшая просёлочная дорога. И я решил двинуться в том направлении. Ведь должны же были эти селяне иметь хоть какое-то сообщение с большим миром. Только благоразумно решив не светиться на самой дороге, я двинулся на небольшом удалении от неё. Чтоб не потерять её из виду и не повстречать не дай бог того, кто натворил здесь столько бед. Так я шёл до самого вечера. Изредка приближаясь к дороге, чтоб проверить не сбился ли я с пути. И убедившись, что дорога никуда от меня не делась, уходил обратно, подальше в лес.

Заночевал я на небольшой полянке. Разведя костёр, вытряхнул содержимое своего вещь-мешка рядом. По дороге я изгрыз приличное количество сухарей, что удалось отыскать в домах. Если бы ещё немного задержался, и хорошенько там пошарил, то я уверен, что съестного нашлось бы намного больше. Но и так мой провиант был не таким уж и маленьким. Благодаря тому, что я так удачно споткнулся об крышку погреба, в котором и разжился припасами. В данный момент я располагал двумя краяхами уже чёрствого хлеба, довольно большим куском сыра, ещё оставалось немного сухарей, кусок вяленой говядины и четыре репы. Репы было довольно много, но я всё равно не смог запихнуть её больше в мешок, а её ещё нужно было бы как-то нести. Но самое главное, я нашёл соль. Прикинув, что этого добра мне хватит минимум на два-три дня, я немного повеселел. Но и про охоту забывать не собирался.

Вновь, полагаясь исключительно на удачу, поставил свои петли. Вернулся к огню, поделив припасы ровно на три части. Одну из которых тут же съел, лишь на утро оставив от этой порции небольшой кусок сыра. В баклажке воды ещё оставалась ровно половина, так, что завтра придётся поискать ручей, чтоб её освежить. Сытно рыгнув, я осмотрелся по сторонам. Прикидывая посмотрел на теперь уже свой лук со стрелами. – Ну и на кой чёрт я его с собой взял, всё равно стрелять не умею? Хотя можно и попрактиковаться. Иметь при себе оружие дальнего боя никогда не помешает. Судя по тому, что лук был в каждом доме, местные, наверное, умели неплохо с ним обращаться. Скорее всего и на охоту его с собой брали, потому, что никакого другого оружия я у них не нашёл.

Затем внимательно осмотрел стрелы. Я хоть и не был знатоком холодного оружия, но прикинув вес стрелы с наконечником и её оперение, а также сталь из которой тот был выкован, то получалось, что стрела имела неплохую дальность полёта, и пробивную способность.

Подёргал тетиву, проверив её натяжение, так и есть. Не без усилий, но мне удалось-таки оттянуть тетиву до самого уха. Немного ослабив, я вновь натянул её до упора, ощущая, как начинает сгибаться сам лук. И тут я совершил грубейшую ошибку, я спустил тетиву. Та отозвалась гудением, при этом звонко щёлкнув меня по руке, что сжимала сам лук. Если сказать, что мне было больно, это значит, что совсем ничего не сказать. Матерясь как сапожник, я бросил лук на землю, схватившись за раненую руку, начал трясти ей перед собой.

– Прижгло, так прижгло! – даже выступил синий кровоподтёк под кожей. Не спеша пошевелил большим пальцем убедившись, в том, что он не сломан, а просто получил ощутимый ушиб. Только тут я вспомнил, что все лучники со времён средневековья и заканчивая нашими днями, используют кожаные то ли перчатки, то ли накладки. Защищавшие их руку державшую лук, вот именно от таких последствий.

– Но ничего, на ошибках учатся, жалко правда, что приходится на своих. Горький опыт-тоже опыт. – порывшись в мешке, достал из него кусок тряпки, в которую был завёрнут хлеб, и скрутив её в рулон, намотал на левую кисть. Снова поднял брошенный лук, наложил стрелу и в ступающих сумерках прицелился в довольно толстое дерево, что росло шагах в тридцати на краю поляны. Не став стрелять в полную силу, помня свой горький опыт, спустил тетиву. Удара по руке я не почувствовал, а вот стрела прошла мимо дерева. Потому, что вся моя концентрация была сфокусирована исключительно на руке, а точнее, на том, как бы ей не досталось. Вторую стрелу я пустил уже более уверенно, и услышал отчётливый треск впивающегося наконечника в ствол дерева. С каждой новой выпущенной стрелой я оттягивал тетиву всё сильнее. Каждый раз следя за тем, чтоб не травмировать руку. Оттянув её наконеч до предела, я всё же почувствовал отдачу, но ткань, намотанная на кисть, справилась со своей задачей, смягчив удар, сведя его к минимуму.

Осмотрев мишень, я пришёл к выводу, что не такой уж я и хреновый лучник. Если учитывать то, что держал в своих руках лук первый раз в жизни. Из выпущенных мною десяти стрел в стволе дерева торчали только семь, и те правда под разным углом, да и разброс у них был около метра. Но моя первейшая задача была именно попасть в дерево, а не уложить все стрелы в яблочко. И думаю, что с ней я неплохо справился. Завтра надо будет ещё проверить на какое расстояние этот лук бьёт, ну и в меткости потренироваться конечно. А сейчас уже почти стемнело и мне пора спать.

Вытащив застрявшие в дереве стрелы, я решил в потёмках не искать оставшиеся, а оставить это занятие до утра, и побыстрее лечь спать. Ведь как говорится в русских народных сказках: – “Утро вечера мудренее”!

И очередное такое, “мудрое” утро, не принесло мне совершенно ничего нового. Только разве то, что моя левая кисть слегка припухла и проступил здоровенный фиолетовый синяк. А в остальном, как обычно, пустые петли на зайцев, и не успевшее отдохнуть за ночь тело. Пошарив в округе от обстрелянного мною дерева, я смог найти только одну стрелу, что торчала из земли в десятке шагов за ним. Поэтому поводу я особо огорчаться не стал, так как у меня в запасе имелся ещё полный колчан. Но для себя твёрдо решил, что практиковаться в стрельбе лучше всего за светло, и подыскивать для этого более подходящие места, во избежание дальнейшей пропажи стрел-боеприпасов.

Позавтракав оставленным на этот случай куском сыра, прикинул, что в моей кожаной фляжке почти совсем не осталось воды, и за сегодня надо бы непременно разыскать источник, где её можно вновь наполнить, иначе меня опять будет мучать жажда. Собрал свой нехитрый скарб и направился в сторону дороги, чтоб продолжить свой поход.

Ненадолго выйдя на саму дорогу, осмотрелся в округе. Не заметил ничего необычного, как обнадёживающего, так и подозрительного. После чего углубился обратно в лес, только на этот раз решил пойти с другой стороны от дороги. И двинулся дальше, заранее выбранным курсом. По пути же постарался обмозговать итог моих скитаний.

Получалось, что я уже пятый или шестой день, сам уже сбился со счёта, брожу по лесу, а ему всё конца и края не видно. За это время успел набрести на поселение “староверов”, с кучей остывших трупов. Причём умерщвлённых весьма изощрённым образом. И это если не принимать в расчёт то, что каким образом я вообще здесь оказался. И какого хрена я здесь делаю? Или может быть я всё-таки мёртв, а это какое-то чистилище для неприкаянных душ? Если учесть то, что последнее, что я помню, так это был взрыв гранаты, а потом темнота. А очнулся я уже здесь, причём без единой царапины. Но рваные дыры со следами запёкшейся крови на кителе, однозначно говорят о том, что эти самые раны были. При чём, скорее всего, несовместимые с жизнью.

Одни только вопросы в голове, и нет хоть какого-то намёка на то, чтоб ответить хотя бы на один из них.

Но последнее своё предположение я сразу отверг. Не очень люблю копаться во всей этой теологической ерунде. Нет, я конечно православный, крещённый, даже изредка заходил в храм, и безусловно верю, что после смерти должно быть что-то ещё. Но глубоко верующим никогда не являлся. А глядя на наших жирных попов, так и вовсе хочется стать если не атеистом, то уж еретиком точно.

Ведь что уж тут говорить, если сам наш верховный патриарх Всея Руси, с голубых экранов телевизоров во всеуслышание заявил. – “Что все славяне-это дикари, и не кто более, практически звери! Всё время висевшие чуть ли на деревьях, и рвавшие друг друга на части. У которых не было ничего: ни духовности, ни нравственности, ни письменности, никакой бы то ни было организованности. До тех самых пор, пока не пришли на Русь учёные монахи в чёрных рясах, неся нам, невежам, свет божий, и не крестили нас, дикарей неразумных, показав истинный путь веры”.

Только вот он, как мне кажется, не договорил самую малость, веры во что именно. В чужого, еврейского бога, или если точнее, иудейского, который призывал своих евреев в “Ветхом Завете” к убийствам, в отличие от того же Аллаха в “Коране”!

После такого заявления, этого патриарха сперва хочется, как следует взять за грудки, и вытрясти из него его “святую” душонку. А уже после спросить. – Ты на кого работаешь, дядька? Если ты, негодяй, историю свою так подло коверкаешь, напрямую называя нас всех обезьянами. То каким духовным лидером ты можешь являться для всего православного мира. Как могли наши голозадые предки висеть на деревьях, при этом иметь свою письменность, веру и государства, пусть и разобщённые на княжества, (это смотря какую пору рассматривать) но умудрившихся периодически ставить раком, так тобой обожаемый просвещённый, верующий мир. Где даже их короли, не то что писать не умели, так ещё, как твари последние мыться не хотели, и были все поголовно вшивые. Чего уж там говорить о простых крестьянах. Ведь есть общеизвестный факт. Что после того, как князь Ярослав Мудрый, отдав своих трёх дочерей замуж за сильнейших европейских королей того времени, и тем самым породнившись с Европой. Кстати почему и стал Мудрым. А дочери вскоре написали ему домой письма. В которых со слезами рассказывали, что вся европейская знать воняет, аки дикие звери, потому что никто из них не моется, плюс все поголовно безграмотные, а на них самих, знающих несколько языков, смотрят как будто на что-то сверхъестественное. Ни бани, ни печки, строить не хотят даже во дворцах, даже несмотря на то, что дочери сами предлагали им чертежи этих самых печек. В последствии обрастя заразой, чуть все и не вымерли от чумы.

А что было дальше! После того, как на Руси стали насаждать православие, и страна была утоплена по уши в крови. Когда повсеместно сжигали старых идолов вместе с волхвами. А в школе нам преподают, что в 988 году, князь Владимир крестился сам, а затем уже крестил Русь. Только на самом деле никто добровольно креститься не хотел, а те, кто крестились, просто не понимали, что с ними делают, считая, что это один из ритуалов служения старым богам.

И почему же тогда, когда с язычеством было покончено, и мы стали братьями всему европейскому свету, то наши новые братья по вере, как и прежде, продолжали свои экспансии на восток. Всякий раз пытаюсь нас если не уничтожить полностью, то стараясь как минимум поработить.

Я хоть и не был историком, но этот предмет меня всегда интересовал. Полюбил я её ещё в школе, и в последующем постоянно развивался в этом направлении. А с появлением интернета-это стало совсем просто. Если уметь отличать писанину заказной истории от подлинной.

Понял, что начинаю закипать от злости, никогда не терпел обид, когда меня называли человеком второго сорта. Пусть даже и не на прямую, а косвенно. Я решил остановиться и сделать небольшой привал, чтоб собрать свои разбежавшиеся мысли в одну кучу, и немного остыть.

И только я замер, как тут же сквозь пение птиц, до меня долетел отзвук чего-то нового. Чего раньше я не мог слышать из-за бурного потока своих мыслей. Затаив дыхание, я весь превратился в слух. Точно, не показалось, звук напоминал отголосок плещущейся воды. Прибавив шагу, но соблюдая предельную осторожность, я двинулся дальше, тем более, что звук исходил именно спереди. И вскоре я вышел на берег небольшой речки, что перекрывала собой дальнейший путь.

Отыскав, оставленную мною дорогу, я убедился в том, что она тоже упирается в реку. Хотя рекой это было сложно назвать. Она была всего-то метров двадцати в ширину, и имела небольшое течение. Значит она не может быть и достаточно глубокой, и здесь на месте дороги, непременно должен быть брод. А как известно форсирование водных преград-это одна из задач инженерного обеспечения боя, а это как раз по моей части.

Скинув с себя всю одежду, я первым делом искупался, смыв с себя недельную грязь. После чего незамедлительно простирнул обмундирование, избавляясь от уже давно выступивших на нём соляных разводов. И только после этого переплыл на противоположный берег. Выйдя на ту сторону убедился, что мой ориентир в виде дороги, по-прежнему продолжает уходить дальше в глубь леса. И ещё немного поплавав, вернулся обратно. После кратковременного купания, по всему телу растеклась приятная слабость. И завалившись на траву я закрыл глаза, ощущая, как летний тёплый ветерок, приятно обдувает моё чистое тело. Не лишая себя в этом удовольствии, решил отдохнуть с пол часа, подождать, пока на солнышке подсохнет и моя форма, а уже после переправляться.

Мне пришлось сплавать туда-сюда три раза, прежде чем я перетащил все свои манатки на тот берег. Одевшись и уже было, собравшись идти дальше, я ощутил острое чувство голода. Пока жевал зачерствевший кусок хлеба, разбавив его репой, заметил небольшой луг, что был недалеко от самой кромки воды, и начисто свободный от леса. И решил заночевать именно здесь. Хоть время ещё было и рано для этого, но место было просто идеальное, где можно бы было проверить свой лук.

Взяв только колчан со стрелами, остальное оставил на берегу, я двинулся к импровизированному стрельбищу. Сперва замерил открытое пространство шагами, насчитал их около двух сотен. Сойдёт!

Костер я уже разводил в сумерках. Так увлекся стрельбой из лука, что сразу и не заметил, как вокруг меня начинает темнеть. Моя тренировка показала, что лук в умелых руках, может представлять довольно грозное оружие. Но ко мне это пока что никак не относилось. Со ста шагов в дерево я попал всего дважды, и то скорее всего случайно, но вот с пятидесяти, сумел пристреляться довольно таки хорошо. Это случилось только после того, когда я стал учитывать все поправки на ветер. И в пылу азарта увлекшись тем, что у меня начинает получаться, не сразу заметил, что чуть ли не надо мной, на свисающей здоровенной ветке, сидит глухарь, и с любопытством пялится на меня. Которое и стоило ему жизни.

Теперь же, когда костёр полыхал во всю, я решил не разделять птицу, а испытать более простой способ её приготовления. Найдя на берегу речушки подходящую глину, вымазал ей толстым слоем толком не ошипанного глухаря, и засунул получившийся комок прямо в угли. Когда глина просохла и начала трескаться, выкатил веткой ком из костра, и разломил его на две половины. В ноздри сразу же ударил запах пропечённого мяса.

Даваясь слюной, обжигая пальцы и глотку, я начал рвать мясо на части голыми руками и засовывать ещё дымящиеся куски себе прямо в рот. Только когда брюхо было набито, вспомнил, что у меня для этого есть нож.

Так плотно я не ел с того самого момента, как оказался здесь. И после такого изобилия пищи, меня сразу же потянуло в сон. И не сопротивляясь этому чувству, я моментально уснул, едва успев расстелить одеяло и развалившись на нём.

Вот теперь я проснулся довольно бодрым, каковым уже давно себя не чувствовал. Вот, что значит обильный ужин перед сном.

По-быстрому искупавшись в прохладной воде, которая всё же успела за ночь порядком остыть. Доел остатки глухаря и в бодром расположении духа двинулся дальше. Радуюсь тому, что всё же не зря тащил с собой этот лук. И теперь можно будет по пути попытаться настрелять ещё птичек, а не всецело полагаться только на петли.

Ничего не изменилось

Упорно идя вперёд, я по-прежнему верил, что дорога, вдоль которой я пробираюсь, рано или поздно должна куда-то да выйти. Но спустя какое-то время, по моей спине начали бегать мурашки, и я как будто начал ощущать чьё-то незримое присутствие. Такое чувство, словно на тебя кто-то пристально смотрит сквозь оптику на снайперской винтовке, при этом постоянно раздумывая, не нажать ли на спусковой крючок. Но сколько я не оборачивался и не пытался разглядеть сквозь толщу леса невидимого наблюдателя, так ничего и не смог увидеть.

Но чувство тревоги не покидало меня не на секунду, а постепенно начинало только усиливаться. И я пока никак не мог найти этому никакого объяснения. И как человек военный, который привык доверять своим инстинктам, я решил больше не искушать судьбу и сам сделать засаду.

Оставив свой вещь-мешок на первой попавшейся по пути полянке, а сам тем временем как бы пошёл дальше. Углубившись же в лес, уже бегом сделал небольшую петлю, около километра, и вернулся к исходному месту. Заняв позицию в небольших кустах, на удалении около пятидесяти шагов от оставленного мной рюкзака. На всякий случай приготовившись при малейшей опасности стрелять из своего лука.

Просидел в кустах около получаса, но никого так и увидел. Бесхозный мешок сиротливо лежал посреди поляны, отчётливо выделяясь среди травы. А я уже весь изнервничался и было хотел выйти из своего укрытия и направиться за мешком. Но тут меня что-то остановило, словно чья-то невидимая рука резко дёрнула за шиворот, заставляя остаться на месте. Уже было, поднявшись из укрытия, я тут же залег обратно, и как оказалось, не зря.

Сперва я скорее почувствовал, чем осознал, что здесь что-то не так. От порыва летнего ветерка, мне в ноздри ударил противный запах немытой псины. Да такой сильный, что я невольно поморщился. И уже только после заметил, что сквозь густую листву, в направлении моего мешка кто-то неторопливо крадётся, стараясь оставаться невидимым. Когда я смог разглядеть кто это, то чуть в штаны не навалил от сковавшего меня страха.

На короточках возле оставленного мною мешка сидел вроде как, человек. Только не в полном смысле этого слова, а скорее напоминавший чудовище, из фильмов про оборотней. Он был полностью обнажен, без какой бы то ни было одежды, вместо этого его тело целиком покрывала густая тёмно-рыжая шерсть. Но не столько это меня напугало. Как то, когда он

поднял голову, явно к чему-то приплюсываясь, то вместо таковой у него на плечах была волчья морда. Огромная, рыжая, с острыми ушами торчком, волчья морда.

Первое, что пронеслось у меня в голове, так это то, что я нахожусь с подветренной стороны. И слава богу, что он не может меня учуять. Вынув нож, я целиком буквально вжался в землю, продолжая незаметно наблюдать за страшилищем. И то, как он движется, не вызывало у меня никакого сомнения, что он шел именно по моему следу, а значит и по мою душу. Зверюга тем временем упав на колени, совсем не по-человечьи, старательно нюхала землю. После задрав голову кверху издала протяжный, заставляющий меня целиком трястись от страха, волчий вой. От которого, в добавок у меня кровь начала застывать в жилах. А зверюга тем временем подскочила, и устремилась дальше в лес, именно в том направлении, в котором я недавно покинул свой вещь-мешок, прежде чем сделать крюк, и оказаться в этих кустах.

В шоковом состоянии я выбрался из своего укрытия, и на ватных ногах побежал к своей брошенной ноше. Схватив мешок, лихорадочно вращая головой во всех направлениях, пытался найти непростое решение из сложившейся ситуации.

– Да что это за хрень такая? Оборотень какой-то, что ли? И эта тварь идёт за мной следом. Что-то всё это не очень похоже на поисковую команду, которую выслали за мной из части. – и судя по тому, что он начал выть, значит полностью уверен, что добыча уже совсем рядом, и никуда от него не денется. И не остаётся никаких сомнений в том, что эта добыча именно я.

Бежать, ещё раз бежать! Только одно приходило на ум. Но я трезво оценивал свои силы и понимал, что это совершенно бесполезно. От него не уйти, мигом догонит. Если только добежать до оставленной за спиной реки и попробовать, скинув его со следа, скрыться по ней. Нет, слишком далеко, не успею. Поток сбивчивых мыслей прервал вновь раздавшийся волчий вой. От неожиданности я вздрогнул. Только на этот раз, вой раздался уже правее. Значит идя по моим следам он уже развернулся и мчится обратно к поляне. Что же делать, что делать? Может залезть на дерево? Там наверняка он меня не достанет! Но что это мне даст, тогда вставал следующий вопрос? Ведь есть множество случаев, когда люди спасаясь от волков, залазили на деревья и уже сидя там, долго и мучительно умирали с голоду. Потому, что те так и не отходили от своей добычи, а караулили её снизу. Черт, как бы мне сейчас пригодилось хотя бы ружьё!

Что ж, похоже выбор у меня очевиден. Остаётся только одно! Попробовать самому завалить эту зверюгу! В конце-то концов, ведь в старину ходили мужики на медведя вооружённые одной лишь рогатиной. Или всё же попробовать от него убежать? Нет, я окончательно выкинул из головы эту мысль, так только умру уставшим.

Откинул мешок подальше, на самый край поляны, туда же бросил и лук со стрелами. Всё равно они мне сейчас не помогут, стрелок я ещё совсем никудышный. А стрелять по движущейся цели, это не тоже самое, что посылать стрелы в дерево. Да и сильно сомневаюсь, что одна стрела может причинить ему хоть какой-то урон, а вторую пустить я уже не успею. Взял свою остро заточенную с одного конца палку и приняв боевую стойку, принялся ждать появления неведомого противника.

На этот раз зверь завыл совсем близко, что меня слегка вывело из равновесия. Но взяв себя в руки, стараясь думать о нём как о простом волке, а лучше, как о собаке, но ни в коем случае, ни как о чудовище. Повернулся в том направлении, откуда он должен был появиться и напрягшись, внимательно следил за любым изменением обстановки. Появление твари было эффектным. С ходу, выскочив из кустов, он приземлился на все четыре конечности. Но тут же поднялся на задние лапы, мне даже показалось, что он был слегка удивлён, увидеть меня лицом к лицу, а не улепётывающего во все лопатки. И глухо взрыкивая, уже не спеша пошёл на меня.

Вид у него был просто ужасный. Свалывшаяся, вонючая шерсть, маленькие красные глазки, тонувшие глубоко в черепе. Из широко разинутой пасти показались длинные, жёлтые клыки, с которых в добавок ко всему, стекала густая слюна. Руки заканчивались длинными

когтистыми пальцами, и сейчас были широко разведены в сторону. Словно зверюга хотела меня поймать, и непременно потискать в своих объятьях.

Забыв о трясущихся поджилках, я, выставил перед собой копьё и грозно смотрел ему прямо в глаза. Зверь, только мельком взглянув на мою палку и сразу же понял, что она не представляет для него никакой опасности. И мне опять показалось, что сейчас, на его пасти отобразилось, что-то на подобии кривой ухмылки.

Замерев в трёх метрах от меня, зверь громко зарычал, трясая своей здоровенной мордой, при этом во все стороны разбрызгивая липкие слюни. На что я, что есть мочи, заорал в ответ. Во всяком случае на собаках такой номер у меня проходил. Если показать животному, что ты не боишься его и во что бы то ни стало, готов драться, то они как правило ретируются. Но тут у меня такой манёвр не прошёл.

Пока он стоял, с широко раскрытой пастью, я думаю, что от удивления того, что я всё же принял его вызов, а не стал удирать. Я не стал медлить, и первым сделал выпад, целя острым концом своей палки, в незащищенный живот зверя. Но желаемого результата я не достиг. Тот ловко увернулся, и копьё лишь слегка оцарапало его бок. Зарычав, он крутанулся волчком, и бросился на меня. Чудом уйдя с линии атаки, я с разворота врезал ему по затылку своим копьём, словно дубиной. От такого удара палка переломилась, второй её конец отлетел далеко в кусты, и оставшаяся у меня в руке её часть, стала короче почти вдвое. Отбросив бесполезный обломок, я взялся за ножи.

Теперь он не спешил нападать, видимо оценив исходившую от меня угрозу. Пока мы ходили в хороводе по кругу поляны, я усиленно припоминал те уроки ножевого боя, что нам преподавали в военном училище. И хотя количество таких занятий было ограничено, но основные приёмы атаки и обороны, мы отработывали до автоматизма. И вот пришла пора применить их на практике.

Как только зверь вновь пошёл на меня, я поднырнул под его руку-лапу, и полоснул ножом по его открытому боку. Брызнула кровь, зверюга, моментально отпрыгнув в сторону, дико завывала от боли, но несмотря на это, вновь кинулась на меня.

Отпрыгнуть я не успел, но бронежилет спас меня от когтей зверя, что полоснули прямо по середине груди. В ответ же, я успел нанести ещё два коротких удара, одним из которых изловчившись перерезал зверюге запястье. Пока зверь был в замешательстве, разглядывая свои свежие раны, я не стал упускать шанс, и вновь напал на него, на этот раз целясь точно в сердце.

Но моя атака получилась какая-то неумелая, и на этот раз меня спасла только каска. Видимо пытаясь оторвать мне голову, он нацелился прямо на шею, но я вовремя успел присесть. И чудище лишь оцарапало шлем, вместо того, чтоб снять с меня скальп. На отходе, мне опять-таки удалось рассечь ему грудь.

В пылу схватки я не сразу заметил, что теперь мой противник всё реже меня атакует. Больше пытаясь загнать меня ближе к лесу, чтоб лишить пространства для манёвра. Его движения уже стали не так быстры, и я без особых проблем успеваю отскакивать от него до того, как он полоснёт меня своими когтями. Видимо он всё же начинает слабеть от полученных ран и от потери крови. Хотя себя сейчас я чувствовал ненамного лучше. Голова гудела как колокол, а из-за плотно застёгнутого броника, в груди сильно не хватало воздуха. Приходилось компенсировать его нехватку широко раскрытым ртом, при этом непрерывно пыхтя как паровоз.

Но радоваться было ещё рано. На левой руке, ниже плеча, у меня тоже имелся ощутимый порез, что уже давно пропитал весь рукав кровью. Но несмотря на это, я чувствовал, что смогу его победить. И это мне предавало сил.

– Ну что, Зверюга, допрыгался? – собравшись всем телом, я прыгнул прямо на зверя, валя того с ног. Не обращая внимания на то, как он безрезультатно пытается вскрыть мне живот, надёжно прикрытый двумя рядами титановых пластин. Изловчившись, всадил по самую

рукоять свой нож ему под левую грудь, а второй клинок вошёл с другой стороны, в аккурат промеж рёбер. Тело зверя сразу обмякло, замерев на спине, с раскинутыми в сторону руками.

Не веря в успешный исход поединка, я не без труда поднялся с трупа поверженного мной врага. И чтоб точно убедиться в его смерти, для уверенности, вместо контрольного выстрела, с силой пнул его в бок. От такого удара, у него сломалось как минимум, пара рёбер, но в ответ на удар такой силы, тело даже не шелохнулось, не считая инерцию самого пинка.

– Знай наших! – задыхаясь от жары, и обливаясь потом, еле вымолвил я. И тут же, опустился рядом с ним на колени. – Эй! – вновь обратился я к трупу. – А ты разве, подохнув, не должен вновь обратиться человеком? Хотя, если так рассуждать, то ты и при свете дня не должен разгуливать в таком виде! – соответственно, на что тот помалкивал.

Собрав брошенные пожитки, немного покачиваясь от усталости, я направился обратно к реке. Сейчас мне было необходимо промыть рану, и как минимум отдохнуть, чтоб хоть как-то привести себя в чувство.

Уже на берегу не так давно покинутой мной реки, я сперва занялся врачеванием. Промыл рану, наложил тугую повязку, сделанную из куска оторванного рукава, предварительно порезав его на ленты. – Неплохо было б её зашить. – поразмыслил я, разглядывая рваную рану. Только вот совершенно нечем. Да и спирт бы мне сейчас не помешал для обработки, как внешней, так и внутренней. На худой конец, хотя бы зелёнка, а то неизвестно какие микробы под ногтями у этого мутанта водятся. Из Чернобыля он что ли? Того и гляди, теперь сам таким стану. Ладно, если не загноиться, то и так заживёт быстро. Тем более, что больше сделать я ничего не могу. Остаётся теперь только поесть и лечь спать.

Только на этот раз ночевать на земле что-то мне ой как не хотелось. И взобравшись на подходящее для этого дерево, я заснул прямо на здоровенной ветке. Предварительно пристегнувшись к ней ремнём, чтоб не свалиться с неё во сне.

По утру я чувствовал себя полной развалиной. Всё тело болело от пребывания в неудобной позе, но в остальном всё было не так уж и плохо. Словно за реванш вчерашнего дня, в мой силоч попался довольно упитанный заяц. Которого мне должно было хватить ещё и на ужин. Меня повязку заметил, что моя рваная рана подсохла, и стремительно начала покрываться корочкой. Значит воспаления не будет и процесс заживления уже начался, что конечно не могло не радовать!

Как оказывается человеку для счастья мало надо! Поесть, поспать и ещё б ничего не делать! Об этом я уже рассуждал вновь, выбравшись на оставленную дорогу, чтоб вновь продолжить свой путь.

Прежде, чем двигаться по ней дальше, я сперва решил, скорее для успокоения души, посетить место вчерашней схватки. Что б убедиться в том, что труп моего преследователя никуда отсюда не делся. А то в голову начинает лезть всякая ерунда на счёт оборотней-мутантов. К моему спокойствию, тот по-прежнему почивал почти на середине поляны. Правда за ночь лесное зверье уже над ним хорошенечко поработало, и теперь от него уже мало чего сохранилось в прежнем виде.

Вновь прошагав весь день, к вечеру отыскал укромное место среди корней поваленного дерева. И удобно устроился среди переплетённых веток. Разложив над огнём остатки зайца. Сам же лёжа рядом с костром, от накопившейся за день усталости, начал клевать носом, проваливаясь в царство Морфея.

Но из него меня буквально вырвал отчётливо раздавшийся звук хрустнувшей ветки. Моментально выхватив нож, я крадучись пошёл в ту сторону. На мгновение замерев на границе отблесков моего костра, подождал пока мои глаза привыкнут ко тьме, потому что вокруг, уже порядком стемнело, и было хоть глаз выкали.

Треск повторился совсем рядом, кто-то двигался в темноте, при этом совершенно не скрывая своего присутствия. И шёл этот кто-то, судя по звуку, напрямик в мою сторону. Напрягшись, я приготовился к прыжку на того, кто бы оттуда не показался.

Какого же было моё удивления, когда я уже во всю, готовый атаковать, рисовал в своём воображении всякую чертовщину, что вот-вот должна будет показаться из темноты. А вместо этого, спокойно раздвинув низко висящие ветки, из леса прям на меня, вышел простой человек.

Заметив меня, прежде чем остановиться, он уверенно сделал ещё пару шагов. Его глаза без страха неожиданной встречи, внимательно осмотрели меня с головы до ног, лишь на короткое мгновение задержав взгляд на моей руке.

А я вот от неожиданности, так и застыл, не успев опустить занесённую для удара руку, крепко сжимавшую нож.

– Гой еси, добрый молодец! – поприветствовал меня нежданный визитёр, тем временем продолжая пристально изучать меня взглядом.

– И тебе здорово! – запоздало ответил я на приветствие. Однако отметив про себя, что так здоровались на Руси ещё в очень глубокую старину.

– Разрешешь погреться у твоего огня? – стоя на месте, терпеливо вопрошал гость, указав рукой мне за спину, в сторону прогоравшего костра.

Убрав нож, я сделал шаг в сторону, пропуская пришельца вперёд. Сам же осторожно пошёл следом, попутно пытаясь рассмотреть его повнимательнее.

Пока шли, я лишь успел заметить его твердую, уверенную, без доли страха, поступь. А также ощутить силу, что буквально исходила от этого уже немолодого мужчины. Возраст, которого на взгляд, было невозможно определить из-за длинной густой бороды, что почти полностью скрывала его лицо, и таких же длинных волос, что скрывали верхнюю часть его лица. На вид, ему можно было бы дать сорок, а также и все шестьдесят. Но его немалый рост, даже прививавший меня на пол головы, а я ростом почти метр девяносто, и широченные плечи, говорили о его недюжинной силе.

Когда мы сели у огня по разные стороны, старец снял из-за спины перекинутый через плечо ремень, на котором, к моему удивлению, висели простые гусли, и бережно положил их рядом с собой. Больше при нём ничего и не было, по крайней мере я так ничего и не увидел.

Сейчас в моей голове было столько вопросов, что я даже и не знал, с чего начинать. Наконец-то я нашёл человека, или всё-таки, он меня, хотя какая теперь к чёрту, разница. Хоть он и выглядит мягко говоря, странновато: одет в какое-то рубище, перепоясанное простой верёвкой, и таскает при себе, вместо оружия, только одни гусли, при этом шагает по лесу на ночь глядя. Но переборов себя, я всё же решил пока не торопиться с расспросами, а повнимательнее присмотреться к нему.

Как добродушный хозяин, сперва разделив поровну остатки своего ужина, протянув ему половину, и так половины зайца, этому ночному гостю. Заметив при том, как его взгляд внимательно следит за каждым моим движением. Тот взял кусок протянутого мной мяса без всякого выкoblучивания и без лишних слов начал его жевать. Когда, через несколько минут, с нехитрым ужином было покончено, выкинув обглоданные кости себе за спину, первым затянувшееся молчание всё же нарушил он.

– Как тебя звать, незнакомец? – его голос был твёрдым, уверенным, я б даже сказал, командирским.

– Анатолий. – представился я, и привстав с места протянул ему руку. Тот немного помедлил, в ответ протянул мне свою. Только вместо привычного рукопожатия за руки, он схватил меня за предплечье. И мне ничего не оставалось, как последовать его примеру. После такого странного, на мой взгляд, приветствия, я понял, что не ошибся в своих предположениях, на счёт силы моего оппонента, сжавшим мою руку словно тискаами.

– Странные у тебя доспехи! – я был сразу выбит из колеи таким вопросом.

– Да вроде нет. -я покосился на свой бронежилет с каской. – Тяжеловат правда, ну а так ничего, удар держит.

– Откуда ты, и как очутился в наших краях? – продолжал сыпать вопросами мой полуночный гость.

– Погоди-ка, не торопись, давай-ка сначала я задам тебе пару вопросов. – не то, что б мне не хотелось ему отвечать, но сперва я бы хотел узнать, мучавший меня всё это время вопрос, где же я всё-таки нахожусь. А то мне уже совершенно надоело быть в полной прострации леса.

Пошевелив бровями, что-то хмыкнул себе в бороду. – Хорошо, я тебя слушаю. Спрашивай!

– Я так понимаю, что ты уже понял, что я не местный, раз задаёшь мне такие вопросы. И я для начала хотел бы узнать, где это я сейчас нахожусь?

– В лесу! – тут же, без намёка на какую-то издёвку, выпалил он. – Сам что ли не видишь! – и в добавок к своему ответу, сделал широкий взмах рукой, указывающий на окружающую меня обстановку. А то я и без него не вижу, где я сейчас нахожусь.

Уже было, собравшись обругать этого шутника матом, я решил сперва попробовать задать свой вопрос по-другому. – До Москвы далеко отсюда?

– Мо-о-о-с-квы. – по слогам повторил он, словно пробуя слово на вкус, а затем продолжил, только такого ответа, я точно от него не ожидал. – А что это такое, Москва?

Внимательно посмотрев ему прямо в глаза, я увидел в них искреннее удивление. Похоже он и вправду в своей глухомани ничего не знает о своей столице. Тогда возникал следующий, резонный вопрос. – А где тогда находится тот лес, в котором мы с тобой сейчас сидим?

Он даже ухмыльнулся. – Известно где, в Гиперборее, Гардарике, Сарматии, Московии или, если тебе будет угодно, то Ас-Славии. Выбирай любое, тебе какое название больше по душе. Мне вот лично Гиперборея любя. – и он тут же зашёлся смехом. Да таким громким, что у меня возникло нешуточное ощущение, что от того, как он надрывает свой живот от смеха, что сейчас все лесное зверьё в округе бежит от нас в диком ужасе, да вдобавок и деревья, наверное, сейчас того и гляди из земли повыпрыгивают своими корнями вверх.

– Постой ржать как конь, Московия говоришь. – только нехорошо шевельнувшаяся у меня в голове мысль подсказывала, что та Московия, про которую сейчас ведёт речь он, не имеет никакого отношения к той Москве, о которой речь веду я. На сколько я помню, из своих уроков самообразования по истории, то всё, то, что он сейчас мне перечислил, просто являлись древними названиями Руси. Даже точнее сказать, не самой Руси. Потому, что Руси тогда, как мы её сейчас понимаем, ещё и в помине не существовало. А так именовали нашу Родину наши очень далёкие предки.

Сейчас я очень внимательно присмотрелся к своему собеседнику. Вроде здоровый лоб, а ведёт себя как-то, я б даже сказал странно, или даже как умалишённый. На прямые мои вопросы, несёт полный бред. Ладно я хоть из истории что-то помню, а то так сейчас бы сидел и гадал, что он такого мне здесь наговорил.

Я решил зайти по-другому. – Тогда ответь мне, добрый человек, откуда ты шёл, и куда? – он уже было набрал в грудь воздуха, чтобы ответить. Но я тут же его перебил, не дав ему заговорить. – Только не говори мне, что шёл оттуда-туда. – я махнул рукой в темноту. – Или что-то на вроде, с северо-запада, на юго-восток.

Выражение его лица тут же, на глазах, поменялось и стало серьёзным, и я понял, что только, что угадал его готовый прозвучать ответ правильно. И вместо очередной глупости, готовой сорваться с его уст, полностью сосредоточившись на мне, он ответил мне вопросом на вопрос. – Откуда у тебя эта рана? – он указал на мою голую руку, перевязанную куском рукава.

Не ожидавший напора с его стороны, я произвольно ответил. – Да, это так, позавчера схватился с оборотнем. – хотя это как будто было с моей стороны обыденностью и в порядке вещей.

– С кем?

– С оборотнем!

– Не понимаю. – помотал головой собеседник.

– Тьфу. – с горяча я плюнул прямо в костёр. – Херня такая здоровая. – и для пущей наглядности попытался показать её размер широко раскинутыми в стороны руками. – Выглядит как человек, только в отличие от него весь сплошь покрытый шерстью, а вместо человеческой головы у него на плечах волчья пасть. Может бегать как на четвереньках, так и на двух ногах ходить может, когти, клыки как у зверя, изо рта воняет, и всё такое прочее.

Собеседник подпёр рукой подбородок, явно о чём-то соображая, наконец произнёс. – И ты его победил! – это был не вопрос, а скорее прозвучало как утверждение. – Вот этими своими железками. – тыкнул на мои тесаки.

– Да. – коротко кивнул я. – Правда при этом сперва чуть от страха в штаны не наделал, когда его только впервые увидел. Ты знаешь кто это был? Что это за зверюга такая?

– Волкодлак! – спокойно проговорил мой собеседник. – И видимо ты хороший воин, если в одиночку смог справиться с ним, да ещё вооруженный всего лишь вот этим. – спокойно кивнул, показывая на ножи, висевшие на моём ремне. – Мало кто способен выстоять один на один против волкодлака.

– Откуда он взялся? И много ли их таких здесь в окрестности бродит? – продолжил я напирать на него, раз он хоть что-то может мне на это ответить.

– Трудно сказать, сколько их. Но ты не беспокойся, думаю, что он был один. И в ближайшее время тебе ничего не грозит.

– Вот успокоил, так успокоил! Ты бы лучше это сказал тем, кого я похоронил в той, теперь совсем обезлюдевшей веси. Я думаю, что это та зверюга, там всех вырезала: мужчин, женщин с детьми, домашний скот, даже дворовых собак, и тех порвала в клочья.

– Что это ещё за весь? – тут же напрягся старец, в корне меня выражения своего лица. – Расскажи-ка мне подробно об этом.

Поёжившись, вспоминая увиденное, я в подробностях рассказал собеседнику, всё, что я там увидел. Так же поведал и о том, что сам не знаю, как тут очутился, надеясь, что хоть он немного прольёт свет на случившееся. Но вопреки моим надеждам, от той радости, которую я испытал в начале нашей с ним встречи, теперь у меня не осталось и следа. Ни на один из моих вопросов, я так и не получил более-менее внятного ответа. Ни куда мне идти, чтоб выйти на свет Божий из этого леса. Ни где здесь находится ближайший населённый пункт. Одним словом, на все мои вопросы: Как? Куда? Почему? И где? Он либо молчал, либо просто пропускал их мимо ушей. – как ни в чём не бывало, задавая в ответ свои.

Только после того, как я окончательно выдохся, а он всё это время продолжал меня игнорировать. Незнакомец вдруг не с того, не с сего, взял свои гусли, и положил свой инструмент себе на колени, проведя над ними пальцами. Струны тут же послушно отозвались спокойной, тихой мелодией.

– Хочешь послушать мои песни? – предложил он.

Мне сейчас было совершенно не до его пения. Но странным образом, как только он продолжил играть, задавая спокойный ритм тихой музыки. На моей душе стало совершенно спокойно, все терзавшие мой разум вопросы, буквально, как-то сразу отошли на второй план. И я в знак своего согласия, лишь молча кивнул ему головой. И он сразу запел. Сперва тихо, потом голос его стал звучать громче, постепенно поднимаясь по нарастающей. Рассказывая в своих песнях о старом, странном мне мире богов. О том, что эти сами боги, когда-то были такими же,

как и мы с вами, простыми людьми. Но совершив за свою короткую жизнь немало достойных героя подвигов, после этого вознеслись в сам Вирий, и сами стали подобны богам.

После первого рассказа, плавно начался второй, только в отличие от богов, он уже рассказывал о могучих богатырях, которые ценой своей собственной жизни, защищали честь всего Рода, до последней капли собственной крови. Безжалостно настигая и наказывая подлых иноземных захватчиков, посмеявшихся вторгнуться, а затем убивать, и творить бесчинства над мирными жителями.

Я заметил, что его песни-рассказы можно было бы слушать ещё довольно долго. Но вот, он наконец закончил своё повествование, и гудевшие струны под его руками моментально умолкли. И вокруг, сразу же наступила непривычная тишина, нарушаемая только прерывистым потрескиванием костра. Когда пролетевший мимо комар, был слышен, как грохот проезжавшего рядом танка.

– Это были былины? – для уточнения своей догадки спросил я.

– Да, только я их называем кощуннами.

– Значит ты кощунник. – кивнул я в его сторону. А он как-то даже с добротой в голосе, чего прежде за ним я не замечал, ответил. – В какой-то степени да.

– А как тебя звать? Ты ведь так и не представился.

Вставая с земли, он бережно убрал свой музыкальный инструмент обратно за свою широченную спину. Затем отряхнул рубаху от налипших на неё листьев и мелких травинок. После чего непринуждённо направился в сторону леса, в том направлении откуда и появился.

– Постой. – остановил я его. – Ты куда это на ночь глядя намылился? Обожди хотя бы до утра, а там уже вместе и пойдём, чего одному по лесу шляться. Мне тем более побыстрее из леса выбраться надо, даже не важно куда, главное побыстрее к людям, так что я думаю нам с тобой по пути.

Но в место этого он ответил. – Зови меня Странником. – теребя бороду, вновь ушёл он от прямого ответа, а напоследок добавил. – Засиделся я тут что-то с тобой, а за зайца благодарю, уважил. А теперь мне вновь пора дальше в дорогу. – и обернувшись, быстрой походкой ступил в темноту леса, где сразу же скрылся от моего взгляда за темнотой густых ветвей деревьев.

Помедлив секунду, я тотчас же выскочил в эту самую темноту за ним следом. – Что за безумный дед? – лишь одна мысль крутилась у меня в голове. – Совсем крыша поехала. Эй подожди. – крикнул я ему в след, но ответа на это не последовало. И я кинулся его догонять. Но пробежав около полусотни шагов, так его и не догнал, тот словно в воду канул. А ведь я должен был догнать его всего в два прыжка.

Но лес по-прежнему окутывал меня ночной тишиной, лишь изредка нарушая своё спокойствие криками его обитателей. Вот где-то неподалёку от меня, с ветки спорхнула какая-то птица, в противоположной от неё стороне, точно знаю, что ухнул филин, а в тёмной листве под ногами пропищал пробежавший мимо зверёк. И больше никаких посторонних звуков, указывавших бы на идущего в темноте человека.

Простояв так недолго, плюнув с досады, мне ничего не оставалось, как только вернуться обратно, и плюхнуться у костра на свою пятую точку.

Заняв своё прежнее место поближе у огня, и подбросил в него дров, я скрепя от злости зубами на то, что так и не получил никаких ответов от смывшегося от меня человека, упав на одеяло, попытался уснуть. Но из этого так ничего и не вышло, лишь проворочался до самого утра. Потому что встреча со странным дедом никак не шла из моей головы. Уснуть мне удалось лишь, когда совсем начинало светать, и то, всего на пару часов.

– Ну и за чем ты меня звал? – лениво прошипел Змей, смотря на воина сквозь полузакрытые глаза. Но не дождавшись от него ответа продолжил сам. – Я думаю, что наша с тобой речь пойдёт об этом странном госте, который своим появлением переполюшил весь Вирий.

Воин сурово сдвинул к переносице брови. – Зачем ты отправил по его следам волкодлака? Я же ясно сказал, что пока его никому не трогать. – и пристально уставился на Змея, словно пытался взглядом прожечь в нём здоровенную дырку.

Впрочем, на что тот не обратил никакого внимания. – Я лишь, как и обещал, его немного пощупал. И теперь благодаря мне, мы точно с тобой знаем, что он не простой землепашец или заблудившийся пастух, ушедший в лес на поиски своей заплутавшей коровы, раз так запросто смог с ним справиться.

– Ну не совсем уж и запросто. – хмыкнул Перун себе в бороду, сменяя свой суровый вид на более спокойный. – Теперь у него на память о встрече с ним, красуется свежая рана. Но ты прав в главном, он действительно воин!

– Ты ведь лично встречался с ним, не так ли? – качнул головой Змей. – Не расскажешь мне, о чём вы с ним так мило болтали?

Опустив секиру, свою неизменную спутницу, Перун сделал несколько шагов по небольшой полянке на которой они находились. Только после того, как измерил её своими шагами вдоль и поперёк, всё это время думая о чём-то своём, ответил. – Да, чтоб не переливать из пустого в порожнее, я решил лично с ним встретиться, и попробовал разузнать о нём как можно больше.

– И что тебе дала эта встреча?

– Не так уж и много, из того, на что я рассчитывал.

– Но ты узнал главное? – Змей чуть приподнял голову, опираясь на кончик своего хвоста, так, что его голова теперь была вровень с головой Громовержца, и злобные змеиные глазки смотрели прямо ему в лицо.

– Нет! – с жаров выдохнул тот. И Змея обдало волной тёплого воздуха, вырвавшегося из могучих лёгких. – Я узнал многое, но не главное!

Змей сразу же потерял интерес к дальнейшей беседе. Отвернулся от воина и свернувшись в тугие кольца, способные раздробить каменную глыбу, только попадись она в их объёме, уже было собрался покинуть поляну, тем самым давая понять, что на этом их разговор закончен.

– Но я всё же узнал. – последовала пауза. Во время которой Змей уже было собравшийся убраться к себе в Подземное Царство с нескрываемым любопытством выставил в его сторону морду.

– И что же тебе удалось узнать?

Не обращая на него никакого внимания Перун продолжил. – Как я и предполагал, попал он к нам вовсе не случайно.

– С чего это ты так решил?

– С того! – бог грома рубанул ребром ладони сверху вниз рассекая ей воздух. – Что не случайное это совпадение, появление человека не из нашего мира и одновременно с этим рвущиеся грани Нави. Я думаю, что он напрямую с этим связан. Тем более, что мы уже имеем последствия прорыва одной из этих тварей.

– Ты хочешь сказать, что уже кто-то пробрался с той стороны?

– Да, наш пришелец набрёл по дороге на одну разорённую весь, где все её жители были порваны в клочья. И я думаю, что это дело рук создания не из нашего мира. Потому, что после нашего с ним разговора я сам лично там побывал, и ничего кроме подтверждения его слов там не нашёл.

– Если всё обстоит именно так, то что ты тогда предлагаешь? – прошипел Змей.

Перун почесал бороду. – Я предлагаю не мешать нашему гостю, а скорее помочь ему поскорей разобраться в случившемся. Тем более он не так прост, как нам могло показаться в начале, ох как не прост.

– И что же в нём тебя настораживает?

– Даже не знаю. Я не почувствовал в нём той силы, что была бы присуща кому-то из равных нам, или хотя бы приравненных к высшим созданиям Рода. В нём также нет тёмного или светлого начала. Он совершенно нейтрален, как... – Перун сделал паузу внимательно посмотрев на собеседника.

– Как простой человек. – закончил за него Змей.

– Вот именно. – согласился Бог Грома. – И мне могло показаться, но он смог загодя почувствовать посланного тобой по его следу волкодлака, при чём за долго до того, как тот смог приблизился к нему на расстояние броска. Да и победил он его чуть ли не с голыми руками. А такое не может не заслуживать уважения. И ещё. – Перун немного помедлил с ответом. – Полученная им в том бою рана, уже на утро практически заросла. А ведь мы знаем, что волкодлаковы когти всегда несут только смерть, даже если раненому им противнику удаётся от него уйти. Он всё равно умрёт от воспалившейся раны, если только рядом с ним не подвернётся какой-нибудь волхв.

– Да, такие раны могут заживать только на победителях. – согласился с ним Змей. – Но ты хочешь сказать, не это. Ты хочешь сказать, что он сочетает в себе силу воина, дух героя и разум волхва? – Я правильно тебя понял?

– Похоже на то. – пришла очередь воина отвечать на вопросы.

Змей тем временем подполз вплотную к нему, положив свою чешуйчатую голову прямо ему на плечо и зашипел в самое ухо. – Надо его непременно свести с Бабой Ягой, уж она то думаю сможет пролить свет на случившееся.

Перун вновь крепко задумался, при этом теребя свою бороду. – Думаю, что ты Чернобог прав. Если в нём и есть потаённая сила, которую я сам не смог разглядеть, то уж она-то наверняка сможет её распознать. Остаётся решить последнее, кто из нас с тобой этим займётся?

– Думаю, что я знаю, как организовать эту встречу. – прошипел Змей.

Перун призадумался. – Ну уж нет. – запротестовал Бог Грома. – Ты уже одну такую встречу ему организовал. Боюсь, что второй такой он может и не пережить! Лучше уж тогда я сам займусь этим, а тебя бы я попросил пока не вмешиваться. По крайней мере до тех пор, пока Яга не даст нам своего ответа, что она сама по этому поводу думает.

– Как скажешь! Я лишь хотел помочь. – соглашаясь зашипел тот. – И думаю, что нам после их встречи необходимо будет еще раз собраться всем вместе, чтоб сообща решить, что же мы будем делать со всем этим делать? А я же пока лично проверю надёжность границ с самим Хаосом, мог ли кто-то проникнуть через них с той стороны, и на сколько они остались крепки.

– На том и решим! – подвёл точку их разговора Перун, на этот раз первым исчезая с поляны в ослепительной вспышке молнии.

Вот это да

После пробуждения я не стал спешно собираться в дорогу, как делал это все предыдущие дни.

Сидя у вновь разведенного костра, я без всякого аппетита догрызал свой завтрак. Я уже почти смирился с горестной мыслью, что торопиться мне совершенно не стоит. Да и этот ночной гость, только вопросов в мою и без того переполненную копилку подкинул, не дав ни одного путного ответа. Так я просидел ещё какое-то время, тупо пялясь в костёр.

– Да, что ж за ерунда-то такая получается? – с досады я запустил оставшимся хвостиком от только что съеденной репы, как можно дальше в лес. – Объяснит мне кто нет, что за чертовщина со мной происходит? – задал я вопрос в никуда. На что ответа соответственно не последовало. Обхватив голову руками, находясь в полном отчаянии, я уже хотел рвать на себе волосы, но в последний момент всё-таки передумал. И глубоко вздохнув, чтоб не впасть в истерику, решил посмотреть на происходившее под другим углом.

– Вставай, нечего расслаиваться! – скомандовал я сам себе. – Путь мой пока хоть и не ясен, но цель точно намечена, а это уже пол дела! И следует непременно придерживаться намеченного мною курса, иначе от такой неизвестности я потихоньку начну сходить с ума.

Если рассудить трезво, то кроме этого ночного музыканта, есть ведь и еще люди, которые к тому же должны где-то жить. Должны же мне попасться по пути хутора, сёла, посёлки, деревни, города. Вот город, мне и необходимо найти, это всяко не иголку в стоге сена искать. Рано или поздно, но я всё равно выйду из этого дремучего леса к людям.

Затушив костёр, взвалил скарб на плечи и не спеша пошёл дальше. Куда именно мне идти, для меня сейчас всё было совершенно едино.

Погружённый в себя я не сразу сообразил, что вновь вернулся к дороге и вот уже какой километр иду прямо по ней. И по-прежнему мне не попалось никаких признаков жизни-деятельности человека. Меня всё так же окружал только лес. Правда под ногами изредка проскакивали всякие мелкие грызуны, а на деревьях беззаботно чирикали птицы.

Я уже вскинул лук, высматривая среди них пичугу побольше, что могла бы мне подойти на ужин. Когда где-то в ста метрах правее от себя, увидел среди деревьев размытый силуэт, который то исчезал, то вновь появлялся из-за очередного куста. Присмотрелся к нему повнимательнее.

– Твою, дивизию, только тебя-то мне сейчас и не хватало, – медведь. – тот шёл почти параллельным со мной курсом. Меня пока он вроде бы не приметил, всё так же неспешно брёл, лениво поворачивая свою косматую морду из стороны в сторону. Периодически останавливался, чтоб разрыть землю в поисках съедобных корешков, и набить ими своё брюхо.

Я тут же присел на корточки, затаил дыхание и как можно тише начал пятиться в сторону пышного куста, что так удачно рос рядом. Сев за ним осторожно выглянул. Медведь тем временем что-то упорно раскапывал, больше ни на что, не обращая своего внимания. Хоть расстояние, что нас разделяло и было порядочным, но я какмышь, начал пятиться дальше, стараясь увеличить его ещё как можно больше. Только отойдя от него метров на двести, я начал стремительно наращивать темп, закладывая большой вираж вокруг зверя. Хоть это и был обыкновенный медведь.

– Что я несу? – поймал я себя на мысли. – Обыкновенный медведь! Как будто могут быть ещё и необыкновенные? – хотя после встречи с тем Чернобыльским чудищем, медведь мне показался и не таким уж и страшным зверем. Хотя я точно знаю, что если бы он меня заметил, то полюбовно бы мы с ним наврядли разошлись.

И как только вспомнил ту страхолюдину, то невольно посмотрел на свою раненую ей руку. Пощупал импровизированную повязку, на что рука под ней не отозвалась болью, хотя ещё утром немного побаливала. Осторожно снял намотанный вокруг раны рукав-повязку, и увидел, как под ним красуется аккуратный розовый шрам. Потёр его для уверенности, убедиться, что мне это не кажется. Точно, не кажется! Рана совершенно зажила, напоминая о себе лишь припухшим рубцом, который всегда остаётся после срачивания рваных краёв раны.

Но такого просто не может быть, чтоб так зажить, рана должна быть зашита, и ей всё равно надо как минимум пару недель. А тут пару дней, и на те, готово. Это обстоятельство несомненно меня порадовало. Хоть на мне и до этого всё заживало как на собаке, но тут скорость заживления просто немыслимая. Вот ещё плюс мне одна загадка, на которую я надеюсь в дальнейшем получу ответ. А пока просто решил не забивать себе этим голову. Зажило, и хорошо!

К полудню я набрёл на довольно большой пруд, что образовался из вышедшей из берегов небольшой речушки. Саму речку со своего места я рассмотреть не мог, так как она протекала чуть дальше, скрываясь за подступившим к самой воде кустарником. Скинув с себя одежду, оставшись в чём мать родила, я перво-наперво искупался, смывая с себя налипшую грязь, которая последние дни обрастала на мне как на поросёнке. И уже было, собравшись постирать свою

изрядно потасканную форму, наклонился, чтоб её подобрать, как по спине побежали противные мурашки и в затылке больно кольнуло, словно в него ткнули острой иглой.

Почему-то я сразу же понял, что это чувство опасности предупреждает меня об угрозе. Моментально схватил один из ножей, что лежал поверх одежды и крутанулся кругом, ища источник опасности. Но то, что я увидел, заставило меня слегка растеряться. Всего в десяти шагах от меня, у самого берега, по колено в воде стояла совершенно обнажённая девушка. Впрочем, как и я сам. Лица её было не разглядеть, так как её волосы, что достигали своей длиной почти до самого пояса, полностью скрывали её лицо, но думаю, что ей это несколько не мешало внимательно смотреть через них на меня.

– Привет! – первое, что пришло мне на ум. Совершенно забыв о своей наготе, я пошёл прямо к ней, пытаюсь по пути выдавить из себя улыбку, и стараясь как бы не смотреть на её обнаженное тело. Чтоб показать дружелюбность своих намерений, я повернувшись кинул нож обратно к вещам. – Ты как здесь оказалась? – на что та вновь промолчала, лишь слегка качнув головой.

Уже почти подойдя к ней плотную, я сразу же почувствовал неприятный запах тины, что исходил именно от неё. Подняв от земли глаза, я уставился на неё в упор, и понял, что совершил непростительную ошибку. Она всё так же стояла в воде, не двигаясь со своего места. Но вот выглядела она, я бы сказал, как-то не совсем свежей. Источая вокруг себя аромат болотной тины, которая застряла в её волосах, вперемешку с отвратительным запахом тухлой рыбы. Плюс вся её кожа имела сероватый оттенок и была слегка припухшей, как у давнишнего утопленника. И только я успел подумать последнее, как девица сделала резкий шаг в мою сторону, и сделав быстрый рывок, выкидывая перед собой свои руки, схватила меня за руку и потащила к себе в воду.

– Эй, ты чего? – уперевшись пятками в землю, я что есть мочи попытался остаться на месте. Но босые ноги лишь скользнули по траве, и вот я уже нахожусь в воде. А та тем временем сдавив мою кисть ещё сильнее, развернувшись потащила меня дальше в воду.

Как я только не пытался вырвать свою руку из её, намертво вцепившихся в меня пальцев, но всё оказалось безрезультатно. Она словно маленький трактор, всё тащила меня дальше на глубину, при этом ещё большей жути происходящему придавало то, что она так и не произнесла ни единого слова.

Я упирался что есть мочи, но вот она затащила меня в воду уже почти до пояса, и не желая нырять глубже, я подпрыгнув попытался засветить ей ногой прямо в голову. Но это у меня получилось не так, как я это изначально планировал, но всё же моя пятка достигла своей цели. Любую другую бабу такой хоть и корявый, но всё же удар ногой, отправил бы в глубокий нокаут, а эта лишь мотнув головой, словно отмахнулась от назойливой мухи, зашипела сквозь зубы. Такое шипение меня ещё больше встревожило, оно было похоже на то, словно одновременно стравливали несколько баллонов со сжатым воздухом. И я был точно уверен, что этот звук не могло породить ни одно человеческое горло. Но что самое главное, моя попытка всё-таки увенчалась успехом, и она таки отпустила мою руку. Получив свободу, я плюхнулся в воду, и тут же подскочив как ошпаренный, кинулся обратно к берегу.

Выскочив из воды, я сразу же побежал к своим вещам. Лишь только мельком оглянувшись по пути увидел, как, она, так же резво разгребая руками воду, бежит за мной следом. Подхватив валявшийся рядом нож, развернулся на сто восемьдесят градусов, как раз в тот момент, когда она была уже совсем рядом. И со всего размаху всадил его ей в живот. Клинок легко пропорол плоть, вылез из её костлявой спины, насадив её словно жука на иголку.

Удар был однозначно смертельным, но это её несколько не остановило. До того момента, как вновь оказаться в её объятьях, я успел выдернуть нож и рассмотреть, что из оставленной им раны не брызнуло ни единой капли крови. Лишь на самом клинке остались налипшие на него тёмные сгустки свернувшейся массы.

На этот раз ловко схватив обе мои руки, она вновь потащила меня к воде, предварительно вырвав нож с такой силой, что в голове не укладывается, откуда в таком тельце, может быть столько силищи.

В панике, я ударил её несколько раз коленом в живот, но так и не смог освободиться. Она по-прежнему тащила меня к воде, совершенно не реагируя на мои жалкие выпады. Тогда я, резко повернувшись к ней спиной, упал на колени, потянув её следом, и резко перекинул её через себя. Бросок вышел что надо. Она оказалась легче чем я думал и грохнулась на землю с такой силой, что не только разжала руки, но и вновь зашипела. Не дав ей время опомниться, пока она ещё лежала на обоих лопатках, подскочил к ней вплотную, занёс над ней ногу, и со всей дури опустил ей на грудь. Раздался противный звук ломаемых рёбер, грудная клетка моментально прогнулась, а всё тело дёрнулось. Но даже это не остановило её попыток подняться на ноги. Приподнимаясь на локтях, она упорно пыталась сесть. Не давая ей такой возможности, я повторил свой удар ещё четыре раза, превращая её грудную клетку в фарш из сломанных рёбер и продолжая втапывать в землю.

Видя, что для неё это как мёртвому припарка. – Твою ж, дивизию! Да ведь это и был покойник! – я, изменив тактику, дал ей сперва подняться, чтоб она смогла сесть. И только она это сделала, как тут же сам схватил её за руку, вывернув ту до предела, заставив своего визави упереться лбом в землю. Не остановившись на этом, закрутил руку дальше, полностью выворачивая её из плечевого сустава и в добавок уже после, сломал её об колено. Зрелище было мерзкое: раздался хруст, кожа натянулась и лопнула, и оттуда показались острые концы лучевой кости. При этом опять же не брызнуло ни единой капли крови, словно рвалась не человеческая кожа, а гнилой мешок из-под картошки.

На этот раз дико взыв, но не от боли, а скорее с досады, девица с разворота, наотмашь, саданув меня здоровой рукой по ногам, тем самым заставляя отпрыгнуть в сторону от себя. После чего всё же сумела подняться на ноги и встав напротив меня, уставилась в глаза своими не моргающими, бесцветными глазищами.

– Ну, что, падаль, хватит с тебя? – войдя в раж, я даже забыл с кем разговариваю.

Протянув здоровую руку, вторая так и осталась болтаться плетью, она вновь сделала шаг в мою сторону. Замерев на мгновение, она вместо того, чтоб наброситься на меня, перевела свой взгляд с меня на вытянутую в мою сторону руку. Я проследил за её взглядом лишь одними глазами. В луче света, что, пробиваясь сквозь листву деревьев и падая в аккурат на неё, было отчётливо видно, как та на глазах начала ссыхаться, покрываясь тонкой паутиной трещин. Которая начинаясь от самых кончиков пальцев, быстро поднимается выше к плечу. И вот уже и всё её тело покрылось такими же мелкими трещинами. И теперь начинает выглядеть как разбитая и вновь собранная из осколков ваза. А вслед за рукой вот уже и она вся, целиком, начинает ссыхаться, приобретая вид старого сухофрукта.

Завизжав, а вот на этот раз, я был точно уверен, что орала она именно от боли, начала лихорадочно трясти уцелевшей рукой. И круто развернувшись на пятках ко мне спиной, кинулась обратно к воде, прыгнув в неё прямо с разбега. Подняв в стороны кучу брызг, ушла с головой под воду. Не давая себе расслабиться, я был готов к любому повороту событий. Оставшись на месте, продолжал обшаривать взглядом поверхность, где она только что скрылась под водой.

Время шло, круги на воде уже окончательно разошлись в разные стороны, оставив после себя лишь тихую гладь водоёма. По-прежнему, не сводя глаз с воды, и чтоб не терять время понапрасну, я начал спешно натягивать штаны. Только сейчас обратив внимание на то, что всё это время бегал гольшом. И только успел натянуть трусы, и сунуть ноги в штанины, застегнуть ремень, как из-под воды вновь показался уже знакомый утопленник.

Приготовившись к тому, что она снова кинется на меня и попытается затащить в воду, подхватив свои пожитки, я начал медленно пятиться подальше от берега. Но вопреки моим ожиданиям, она так и не двинулась дальше, а осталась спокойно стоять в воде. С наружи тор-

чали только её голова и голые плечи. Не двигаясь дальше, она замерев смотрела за тем, как воспользовавшись передышкой, я впопыхах продолжаю натягивать на себя оставшуюся одежду.

Одевшись я медлил, что же мне делать дальше? Точнее сказать, то что надо валить отсюда подальше я знал, но вот любопытство не давало уйти не узнав, что выкинет дальше, этот злой ихтиандр.

Моя дилемма разрешилась сама собой. Постояв ещё немного, мой оппонент просто скрылся в воде, погрузившись в неё с головой. На этот раз без тучи брызг, она просто ушла под воду и больше не появлялась. Постояв после этого ещё минут пять и убедившись, что подводный пловец не задумал ещё какой пакости, я всё же решил поскорее убраться подальше.

Теперь получалось, что помимо страшилась в лесу, и в воде плавает какая-то нечисть! – Что это такое было? – вопрос, кто, почему-то сам собой отпадал. Очевидно, что покойник! Но как? Как это вообще может ходить, плавать, просто совершать какие-то действия, вместо того, чтоб себе мирно гнить где-нибудь на глубине реки. Плюнув с досады, я зарёкся больше не искушать судьбу.

Теперь моё продвижение по лесу напоминало проделывание прохода в минном поле. Ну и пусть, что медленно, но зато каждый шаг был хорошо обдуман и взвешен. Для себя же я уяснил следующее: пусть я не знаю где я, и как здесь оказался, но теперь я знаю точно, что этот лес не городской парк, где самое страшное, что с тобой может случиться, так это то, что ты повстречаешь толпу пьяных гопников. А здесь же, рассадник какой-то чертовщины, это ещё мягко выражаясь, встреча с которой не закончится одной лишь разбитой физиономией.

Ближе к вечеру, перед тем, как устроиться на ночлег я успел ещё раз потренироваться в стрельбе из лука. Попробовал даже с ним поохотиться. Но как назло, вся пернатая дичь куда-то сразу попряталась.

Учтя все события минувших дней, на этот раз я не стал разводить огонь, дабы не привлекать к себе излишнего внимания. Да и нужды в нём не было: ночи тёплые, а жарить на нём всё равно мне было нечего. Перекусив тем немногим, что ещё оставалось в моём мешке, завернувшись в одеяло, я завалился спать, на всякий случай, крепко сжимая в руке один из ножей.

Утро было хреновым! За ночь ветром нагнало серых, тяжёлых туч и начал капать сперва мелкий, но потом всё набирающий обороты дождик. Опустошив свой вещмешок, я пришёл к выводу, что мне необходимо обзавестись жратвой, и как можно скорее. Иначе на трёх оставшихся в нём корнеплодах я далеко не уйду.

С рыбалкой вопрос отпадал сразу же. Ловить рыбу мне нечем, да и как оказалось, к воде подходить совсем не безопасно. А, лишь выйдя обратно к речушке пополнил запас воды, на всякий случай прикрепив бурдюк к длинной палке и сунув его в воду. Смотрелось это нелепо, но бережёного как говорится, бог бережёт.

Чтоб разжиться едой, оставалось только надеяться на собирательство грибов с ягодами, да ещё на охоту. Но, что тут поделаешь, за ночь мои силки вновь остались пустыми и поэтому моя последняя надежда была на то, что всё же удастся кого-нибудь подстрелить из лука. Наложив стрелу на тетиву, я не спеша шёл по лесу, внимательно вглядываясь в кроны деревьев. Но из-за дождя вся лесная дичь куда-то попряталась, не слышно ни пения птиц, ни их порхания с ветки на ветку. Кругом был только один звук, звук барабанищего дождя о листву.

Промокнув до нитки, я продолжал продвигаться по лесу. С охотой пока что тоже не ладилось. Удалось только пару раз заметить прыгающую в ветвях белку. Возможно я бы съел и её, но попробуй подстрели эту крысу с пушистым хвостом, что носиться по деревьям как гоночный автомобиль по трассе. И трезво оценив свои стрелковые возможности, я даже не стал пытаться в неё стрелять. А вот в стучавшего по берёзе дятла, я выпустил две стрелы, но так в него и не попал, только вспугнул птицу, которая тут же сорвавшись со своего места, скрылась среди ветвей.

Такое развитие дел, уже порядком начинало меня нервировать. Плюс ко всему, усиливающийся голод всё чаще начинал о себе давать знать. Пока ещё было терпимо, но к следующему утру кишки окончательно прилипли к спине и вот тогда это уже будет настоящей проблемой. Поэтому кровь из носу, но до темноты необходимо разжиться припасами.

И вот, выйдя на небольшую полянку, я не поверил своей удаче. На противоположном её конце, всего в тридцати шагах от меня, беззаботно паслись пятеро косуль. Стараясь не выдать своего присутствия, я не спеша сбросил на землю мешок с пожитками, и начал тщательно выщипывать ту из них, что была покрупнее. Зная, что второго такого шанса у меня не будет, я все медлил с выстрелом. И вот, только когда она повернулась ко мне боком, я спустил тетиву, целясь ей под лопатку.

Что не мудрено, я промахнулся, но как оказалось не очень критично, всё же стрела застряла у неё в заднице. Раненый зверь взревел, и вся пятёрка косуль моментально кинулась в рассыпную. Выскакивая из кустов, я на бегу отбросил лук в сторону и кинулся следом. Нечего было и думать, пытаться догнать косулю, тем более ещё и в лесу, но моя была ранена и как я увидел, подволакивая заднюю ногу, поэтому у меня всё же был небольшой шанс.

Я несся за ней как лось сквозь чащу, перепрыгивая через кусты с поваленными деревьями, огибая стволы, что сейчас мелькали по сторонам просто с немыслимой скоростью. При этом совершенно не обращая внимания на хлещущие по лицу ветки. И только начав окончательно задыхаться от усталости, бронезилет изрядно усложнял мой бег, уже было хотел сдаться, и прекратить преследование. Но в последний момент заметил, что и раненый мной зверь начал всё чаще спотыкаться, и теперь его прыжки становятся всё короче. И поэтому расстояние между нами стало понемногу сокращаться. Собрав в себе остатки сил, я сделал последний рывок, выжимая из себя всё, на что ещё был только способен, выхватывая на бегу нож.

Догнав подранка, я навалился на неё всем своим телом, прижимая зверя к земле и не дав ей высвободиться, полоснул ножом по горлу, разрезая её шею до самой кости. Брызнула алая кровь, и дёрнув напоследок несколько раз всеми четырьмя копытами зверь затих. Сидя на заднице я, жадно глотая ртом воздух, восстанавливал своё дыхание пока из косули стекала вся кровь, после чего взвалил тушу на плечи, и пошёл с ней обратно к полянке, где валялось моё брошенное добро.

Путь назад хоть и был нетороплив, но дался ничуть не легче. Подбитая мною зверюга весила килограмм тридцать-сорок, а пробежка за ней на голодный желудок отняла мои последние силы. Но несмотря на то, что я ели тащил свои ноги, в душе же я ликовал. Теперь на какое-то время я обеспечил себя свежим мясом. Оставалось теперь только придумать, как его приготовить впрок.

Вернувшись к поляне, первым делом повесил свой трофей на сучок ближайшего дерева и освежевал его. После этого собрав более-менее сухих дров развёл приличный костёр. Благо, к этому времени дождь уже почти кончился. И не теряя времени, оттяпав целиком заднюю ногу, повесил её над костром, чтобы та побыстрее жарилась. Теперь оставалось поразмыслить, как приготовить оставшееся мясо, чтоб оно не пропало, и было пригодно в пищу ещё несколько дней? Почесав затылок, я решил его просто завялить. Можно было бы его и сварить, используя вместо кастрюли свою армейскую каску, но поблизости я не нашёл воды, которую можно было бы применить в пищу. Кругом была только мутная жижа, что скопилась после дождя во всевозможных низинах. Поэтому я остановился на варианте номер один. Нарезав мясо на небольшие тонкие лоскуты, я развесил его вокруг костра на приготовленные для этого пруты.

Процесс приготовления мяса впрок, занял у меня больше времени, чем я думал вначале. Уже стемнело, а я ещё только разобрался с половиной косули. Набив брюхо до отвала, я, лёжа у костра наблюдал, как готовится очередная партия мяса. Решив не тратить на это дело всю ночь, а продолжить готовку утром, я решил играть отбой. Тем более, что день выдался не из

лёгких, и я уже давно начал клевать своим носом. Вот только одеяло моё так и не высохло за оставшиеся пол дня, поэтому пришлось придвинуться поближе к костру, вокруг которого было тепло и сухо.

На следующий день вялить мясо я закончил только к обеду, и можно было двигаться дальше. Только вот никакого смысла в этом я совершенно не видел. Глупо уходить с уже обжитой полянки, чтоб буквально через несколько часов подыскивать следующую. В место этого лучше потратить время на тренировку стрельбы из лука, чтоб в дальнейшем не пришлось носиться по лесу, догоняя убегающую от тебя добычу.

Выбрав подходящее дерево, я начал методично всаживать в него стрелу за стрелой. Вскоре мне надоело такое однообразие, и я начал усложнять задачу: сперва добавив стрельбу на вскидку, а затем начал менять мишени, от уже пристреленной, до совершенно новой, выбирая её наугад. Успокоился я только тогда, когда моё правое плечо начало ощутимо ныть от постоянного натягивания тетивы.

– Уже лучше! – подбодрил я сам себя собирая стрелы в колчан из утыканного ими дерева. Ещё пару таких тренировок и я думаю, что с пяти шагов слону в зад точно не промахнусь. Ну а если серьёзно, то прогресс на лицо. По неподвижной цели, с близкого расстояния, кладу стрелы уже довольно кучно. Стрелять на вскидку пока проблематично, так же, как и при быстрой смене мишени. Но мои руки уже понемногу начали привыкать к луку, и теперь он не казался мне какой-то допотопной диковинкой, а скорее таким же оружием, как тот же ак-74.

На следующее утро я проснулся выспавшимся, полным сил и энергии. Слегка подкрепившись, снялся с места и двинулся дальше, как говорится, ”куда глаза глядят”. Теперь моей первоочередной задачей было пополнить запасы воды, а то моя фляга уже давно показала дно.

С этим я справился довольно быстро, найдя небольшой ручеёк с прохладной чистой водой. Обмывшись и набрав живительной влаги, я двинулся искать ту злосчастную дорогу, вдоль которой шёл всё это время. Но из-за последних событий слегка отклонился с маршрута.

По пути я не оставил своего намерения настрелять ещё дичи. Мясо в мешке за спиной-это бесспорно хорошо, но оно пойдёт про запас, когда совсем туго будет, тогда и вскрою неприкосновенный запас, а так лучше было бы не прекращать попыток подстрелить ещё какую-нибудь птицу.

И вот, выцеливая сидевшего на ветвях тетерева, я задрал лук кверху, приготовившись спустить тетиву, как на безоблачном небе, чуть ли не над самой макушкой деревьев увидел чёрную, грозовую тучу. Точнее сказать даже не тучу, а тучку. В диаметре она была всего метров десять, это уже само по себе как-то странно для грозовой тучи. Но самое жуткое было то, что она висела так низко, что чуть ли, не цеплялась своими краями за макушку самой высокой ели.

Опустив лук, я вновь почувствовал небольшой холодок, что пробежал по моей спине между лопаток. И как я успел запомнить, это чувство последние дни не раз предупреждало меня об опасности. Я машинально вскинул лук, и почти не целясь, пустил стрелу прямо в невесть откуда взявшуюся тучу. По такой цели я промазать не мог, только вот на что я рассчитывал? Не встретив никакого сопротивления, стрела прошла сквозь неё на вылет, и умчалась дальше в небесную высь.

Перехватив лук поудобнее, я быстрым шагом двинулся прочь от этого странного явления природы. Отойдя метров на сто, задрал голову кверху и обнаружил, что туча тоже двинулась с места, и теперь летит над деревьями чуть ли не над моей головой. Пришлось ещё немного поддать прыти. Уже не думая больше ни о чём, кроме как побыстрее оторваться от преследования, этого не сулящего мне ничем хорошим феномена. Но как быстро бы я не бежал, она по-прежнему висела у меня над головой. Я уже начал чувствовать неладное! И тут, как подтверждение моих мыслей, раздался страшный грохот, и в пяти шагах позади меня, в землю ударила молния, оставляя на ней небольшую дымящуюся воронку. Я резко вильнул в сторону, и изменив направление, бросился бежать дальше, перепрыгивая через попадающиеся на пути кусты.

Выскочив на тропинку, без дальнейших раздумий, побежал прямо по ней, а в это время над головой вновь громыхнуло, и в землю позади меня, чуть не подпалив мне пятки, снова ударил грозовой разряд.

Резко крутанувшись, я развернулся на сто восемьдесят градусов, и побежал в обратном направлении, надеясь, что хоть это поможет скинуть со следа этого пикирующего бомбардировщика. Но теперь молния ударила в землю не позади, а впереди меня. Чтоб не влететь в неё носом, я успел схватиться рукой за ветку, чтоб вовремя затормозить. У меня получилось, но всё же я успел почувствовать жар, что исходит от этого электрического разряда в несколько сотен киловатт. Пришлось вновь разворачиваться и бежать в прежнем направлении. А молнии тем временем продолжали всё чаще бить в землю у меня за спиной.

– Долго я так не выдержу, мелькнула у меня в голове мысль. – я уже порядком устал, бежать в бронежилете, да ещё с мешком полным мяса за спиной. Я рано или поздно всё-таки выдохнусь, и тогда эта тучка влупит по мне уже в полную силу, самого превратив в обугленный кусок мяса. На бегу я вертел головой в разные стороны, пытаюсь отыскать хоть какой-то навес, где можно было бы укрыться. Но не смотря на довольно густой лес, спрятаться в нём было совершенно негде. Ни деревья, ни тем более кусты, не прикроют меня от атаки с воздуха, молнии легко прожгут их насквозь. И мне оставалось только бежать дальше пока хватит сил.

Обливаясь потом я нёсся вперёд, то ныряя с тропинки под кроны деревьев, то вновь выпрыгивая на неё. Сколько времени я так петлял неизвестно, я напрочь потерял чувство времени. И вот, вновь выбежав на тропу увидел, что впереди начинает брезжить просвет, видимо там начинается поляна, вот только на которую мне точно соваться не стоит. Ведь на открытой местности гонящееся за мной авиация будет стрелять по мне, как в тире, а мне даже спрятаться будет негде. Поэтому надо проскочить ту поляну по самой её кромке, не суясь на самую середину.

До выхода на поляну оставалось всего метров двадцать, но тут меня ждала новая неожиданность. Прямо у самой её кромки, перекрыв собой всё свободное пространство, стоял густой сгусток тумана, где-то два на два метра. На сколько он простирается вглубь я не знал. Но который явно не желал рассеиваться, даже, не смотря на довольно ощутимый ветерок. То, что происходит за ним я не видел, но обогнуть его у меня не получится. По обоим сторонам от тропинки, по которой я продолжал бежать, уворачиваясь от то и дело сыплющихся на мою голову термических зарядов, росли такие густые кусты, что нечего было и думать, чтоб через них пробиться. Оставалось только бежать через него на прямик. И тут словно стимулируя меня в выбранном мной решении, вновь жახнула молния.

Больше не забывая себе голову, я ринулся напрямик сквозь туман, лишь чуть повернувшись плечом вперёд, и за ранее приготовившись к удару, словно собирался собою пробить кирпичную стену. Но вопреки моим ожиданиям, ничего подобного не случилось. Я пролетел насквозь, только мимолётно почувствовав прохладную влагу тумана, что приятно охладила разгорячённое тело. Запнулся о валявшуюся под ногами ветку, и вылетел с противоположной его стороны, тут же распластался на брюхе уткнувшись носом в твёрдую землю. Но моментально вскочил на ноги, готовый немедленно продолжить свой бег. Лишь сперва коротко обернулся назад на туман, из которого я только что выпал, и поменял своё первоначальное решение.

Как только я оказался по другую его сторону, тот прям на моих глазах начал плотнее сжиматься, уменьшаясь в размерах, пока не стал выглядеть чуть больше футбольного мяча. После чего этот комок провисел в воздухе ещё ровно пару секунд, и его просто сдуло порывом лёгкого ветерка. И он, повинувшись увлечшему его воздушному потоку, моментально рассеялся, будто бы его и не было.

Осмотревшись по сторонам, а именно в том направлении, откуда я прибежал, у меня не получилось сопоставить до, и после. Радовало только одно, что пока никакой опасности не наблюдалось. Мой преследователь так же бесследно пропал. Но также с ним пропала и та тро-

пинка, по которой я от него удирал. На том месте, где она должна была быть, рос здоровенный дуб с толщиной ствола в три обхвата, о который я, прыгая в туман, должен был непременно расшибиться в лепёшку. Также пропало и безоблачное небо, вместо него над головой всё было затянуто серыми облаками, с явным намёком на скорый дождь. Лес вокруг стоял совершенно мне не знакомый, в том плане, что таких пород деревьев я совершенно не знал, и видел впервые. Да и всё вокруг словно разом потеряло свою красочность, став каким-то серым, невзрачным.

– Я, что телепортировался сквозь какую-то дырку в пространстве? – звучит фантастически, но другого объяснения я всему этому не находил. – Тогда где я на этот раз оказался? Я ещё с первым местом своей высадки не разобрался, а тут новое место дислокации подбрасывают, которое похоже тоже не сулит мне ничего хорошего.

Сложив, один плюс один, получалось, что вот именно таким, ну либо похожим образом, меня и выбросило после взрыва гранаты посреди этого странного леса, когда я очнулся посреди той злосчастной поляны. Осталось выяснить только кто или как, и для какой цели всё это проворачивает? Похоже, что, хотя бы на один мучавший меня вопрос я всё же худо-бедно ответил. А это уже небольшой прорыв в казавшейся непреодолимой ситуации. Значит в ближайшее время мне точно не суждено вернуться в родную воинскую часть.

– Что ж, не время для истерик по этому поводу, а хочешь-не хочешь, но придётся обжиться на новом месте! – повертел головой по сторонам. – Лес, как лес! Особо от прежнего не отличается. – Только вот куда мне здесь топтать? В прошлый раз я хоть вдоль дороги шёл, а тут придётся вновь искать какие-нибудь ориентиры.

– Ну вот! – перевернув ладонь кверху, я поймал падающую с неба каплю воды. – Вот и дождик начался! Неплохо бы обождать его где-нибудь в сухом месте. Но как говорить-то мечтать не вредно, и вредно не мечтать! Раздвигая пушистые лапы ельника, я продирался сквозь них в надежде разглядеть за ними хоть что-нибудь, подходящее для ночёвки. И как ни странно, ещё как разглядел!

Сразу за ёлками простиралась просторная, свободная от всякой растительности поляна, на краю которой стоял самый обыкновенный деревенский колодец. Представляющий из себя небольшой сруб из брёвен по верх ямы с водой, сверху накрытый треугольной крышей домиком. С неизменным воротом, сделанным из цельного бревна, на которое наматывалась верёвка с ведром.

От неожиданности увиденного я не сразу заметил, что по тропинке, которая шла к колодцу от добротного дома, стоящего чуть поодаль от него. С ведрами, одетыми на перекинутое через плечо коромысло, идёт молодая девица. Я так и застыл в растерянности на своём месте, обдумывая как мне поступить дальше. И, наверное, так бы и простоял, но мою нерешительность прервал истерический вопль той самой девицы, что, только заметив меня, бросила коромысло с ведрами в сторону, и подобрав подол своего чересчур длинного платья, со всех ног бросилась бежать обратно к дому. Я только и успел проследить за ней взглядом, как она, вбегая по крыльцу, исчезает в доме, при этом громко хлопая дверью, и плотно прикрывая её за собой.

Делать нечего, я пошёл за ней следом, внимательно следя за тем, чтоб в единственное окно, которое выходило в мою сторону, ещё чего доброго, не пальнули из ружья, приняв меня за...

Осмотрев себя, я даже не смог подобрать подходящего слова, за кого же меня можно было принять. Небритый, грязный, да и запашок, наверное, от меня уже стоял тот ещё. В рваном обмундировании, у которого к тому же напрочь отсутствовал левый рукав. В руках держал лук, а за спиной болтался дорожный мешок и колчан со стрелами. Скорее всего я был похож на оборванца, который заблудился в лесу. Хотя я не так уж был и далёк от истины, и на самом деле оно скорее всего так и было.

Так же подходя к дому отметил, что тот напрочь лишён даже хиленького забора, который непременно должен был быть, ограждая его обитателей от лесного зверья. Ну а в остальном всё, как и в любой деревне. Крепкий бревенчатый дом в один этаж, без каких-то намёков на покраску. Простые ошкуренные брёвна, что от времени уже давно потемнели. Крыша же была крыта не шифером, а обыкновенной доской, что к тому же давно заросла толстым слоем зелёного мха, который не покрывал собой только печную трубу. Имелись и хозяйственные постройки. Заглянув за угол, я заметил сарай, рядом с которым ютилась и небольшая, вросшая в землю банька.

Вернувшись обратно к небольшому крыльцу, в три ступени, я уже намеревался подняться по нему и постучать в дверь. Как опережая моё желание, та, слегка скрипнув, открылась сама, выпуская в дверной проём своего владельца.

Сказка начинается

Продираясь сквозь непролазную лесную чащу, вот уже как два дня и две ночи, нёсся здоровенный серый волк.

Не обращая на своём пути внимания ни на что, кроме как выполнение своей конечной цели. Проскакивая поляну за поляной, даже не смотря на мучавший его голод, он ни коим образом не реагировал на разбегавшуюся перед ним во все стороны насмерть перепуганную дичь. Вот и сейчас, он только зло оскалил клыки, провожая голодным взглядом выводок молодых поросят, поспешно семенящих за своей мамкой, чтоб побыстрее убраться прочь с пути этого страшного зверя.

Волку и самому было не ведомо, почему он не может прервать свой стремительный бег и как следует подкрепиться. Но человеческий мозг внутри звериной головы не давал телу покоя, подавляя в нём зарождавшийся звериный инстинкт. И всё время заставлял бежать дальше и дальше, стараясь во что бы то ни стало передать весть своему Господину. И только одна эта мысль постоянно крутилась в его голове. Только она гнала его сквозь непролазный лес, заставляя не обращать внимание на усталость и голод. Ведь если Хозяин останется им не доволен, то ему уже будет никогда не суждено отдохнуть и сытно охотиться. И поэтому он всё бежал и бежал, ни на что, больше не отвлекаясь. До тех пор, пока его лапы не стали предательски подкашиваться.

Оказывается, даже у его вновь приобретённой силы, которой он никак вначале не мог нарадоваться, есть свой предел. Ведь когда Заноза уже простившийся с жизнью подумал, что его существованию в этом мире пришёл конец, и сейчас он непременно умрёт в страшных мучениях. Но случилось совсем неожиданное, вместо этого он только переродился. Его нынешний Хозяин, просто поделился с ним частицей себя, всего лишь маленькой крохой, но и та заставила его измениться до неузнаваемости. Измениться не внешне, а скорее внутренне. Та сила, которая вошла в него вместе с толикой его Господина, теперь постоянно клокотала в его груди, неся вместе с собой немалые возможности. Теперь он был способен на многое, в его распоряжении была такая сила, о которой он раньше и мечтать не мог, которая к тому же открывала перед ним тайны животного мира. Сейчас он мог по собственному желанию обращаться практически любым лесным зверем, которым только сам пожелает, с его внешностью, всеми повадками и силой. Только последней в отличие от настоящего лесного жителя, у него в разы было больше. Также в обличье, которого он не переставал терять человеческого разума, если только, когда животная ярость начинала ему застилать глаза.

Как и произошло в той небольшой деревне, на которую он вышел совершенно случайно, исполняя волю своего Господина. И желая опробовать всю свою мощь, легко порвал в клочья всех её жителей. Но он не забыл, как тогда ему было приятно это осознавать, он словно упивался своей силой и лёгкостью, с которой всё это проделал. Как он радовался крикам в панике

разбегавшихся баб, как тогда кидались на него с рогатинами мужики, пытаясь спасти жизни свои и близких, как после этого они пытались спрятаться от него по домам. Только всё это было совершенно напрасно. У них не было против него не единого шанса, и он никого из них не пощадил, и не оставил в живых, потому, что ему так захотелось. Чувствуя себя в тот момент всемогущим.

Не обращая внимания на усталость, волк продолжал свой стремительный бег на прежней скорости. Разбойник точно знал, что даже после того, как сил у него совсем не останется, тогда он будет упорно продолжать идти шагом. До тех пор, пока будет способен передвигаться, а если потребуется, то и вовсе ползти. Только бы поскорей добраться до своего Господина. Ведь со всей той силой, что теперь была в его распоряжении, ему досталась и непонятная тяга к выполнению любой прихоти этого самого Господина. Даже если бы в силу своей подлой природы, Заноза решил послушаться, то внутри у него тут же начинало свербеть, и чем больше он сопротивлялся желанию выполнить приказ, тем невыносимее становилась та боль. По венам, словно начинал разливаться жидкий огонь, постепенно заполнять собой всё его тело, буквально начиная сжигать изнутри. Поэтому попробовав только раз на непослушание, он больше не помышлял о повторной попытке, даже в своих мыслях, не допуская подобного.

Переплыв небольшую речушку, волк позволил себе остановиться, чтоб утолить только жажду, прежде чем снова бросился дальше. До конца пути уже оставалось немного, он это чувствовал. Только как это у него получалось, он и сам себе не мог объяснить. После того, как Хозяин влил в него частицу своей безграничной силы, то она словно манила его к своему создателю, не взирая на разделявшее их расстояние, стараясь поскорее с ним вновь воссоединиться. И чем дальше он пробирался через лес, тем сильнее становилось чувство близости конечной цели.

И вот настал долгожданный момент! Лес кончился, выпуская из своих хвойно-лиственных лап просторную поляну по среди которой и заканчивались его мучения. Клокотавшая внутри его тьма успокоилась, тем самым давая понять, что он прибежал на то самое место.

Без сил опустившись на брюхо прямо на середине поляны, волк мысленно воззвал к своему Господину, прося того откликнуться на его мольбы и явиться. Призыв был отправлен, и теперь от него совсем ничего не зависело, оставалось лишь ждать, когда тот сам соизволит явиться. И стараясь использовать свободное время во благо, прикрыв глаза зверь моментально заснул.

Проспал он до самого вечера, открыл глаза, только когда уже начинало темнеть. И подняв морду потянул носом почуяв знакомый запах могильной сырости, что мог исходить только от его Господина. Поджав под себя хвост и сжавшись в комок, словно побитый пёс, волк начал пятиться к лесной кромке. Он всегда испытывал перед Хозяином леденящий кровь ужас.

А в это время в опускавшихся на лес сумерках, прямо перед ним начал сгущаться комок мрака. Словно вся темнота ночи, что окутывает собой землю, собралась в одном единственном месте, сбившись в тугой комок. Клубясь чёрным туманом, от которого во все стороны тянутся такие же тёмные сгустки, что напоминали собой длинные щупальца, он навис прямо над зверем.

Закрыв глаза, волк ждал, не осмеливаясь подать первым голос. Даже не видя, что вокруг происходит, он почувствовал, как к нему метнулось два сгустка тьмы, теперь чем-то напоминавшие руки. И уже открыв их увидел, как обвив его передние лапы, те с силой дёрнули его в верх, при этом чуть ли, не выдёргивая их из его плеч. Оторвав его от земли на высоту человеческого роста. Беспомощно болтаясь в воздухе, Заноза лишь и мог, что жалобно заскулить, пляясь в самую гущу темноты.

– Говори! – тем временем отозвался мрак.

Волк начал медленно извиваться в державших его туманных руках. И тут со зверя на землю начала опадать серая шерсть, уступая место гладкой человеческой коже, одновременно

с этим его кости начали с хрустом выворачиваться из суставов, нещадно рвав собой сухожилия. Поначалу боль была страшной, когда он делал это впервые. Но с тех пор Заноза уже успел к ней привыкнуть, и значительно поднатореть в перекидывании из одного обличья в другое. И теперь мог довольно быстро перевоплощаться, не отвлекаясь на эту самую боль. Боясь даже самой незначительной заминкой разгневать своего Господина. К тому же в зверином обличье он никак не мог выдавить из себя ни слова. Как бы он не старался их произнести, из его пасти всегда слетал лишь звериный рык. Потому, что звериная глотка с её голосовыми связками была просто не способна на это. И вот закончив своё превращение, он предстал перед своим Хозяином совершенно голый, но в своём истинном виде, обычного только на первый взгляд человека.

– Я сделал всё, как ты велел! – начал он сбивчиво свой рассказ, при этом стараясь не поднимать глаз на клубящуюся перед самым его носом тьму, при виде которой, по всему телу начали бегать мурашки. – Я проследил за тем человеком, по следу которого ты меня посылал. – непроизвольно сглотнул застрявший в горле ком, мешавший ему продолжать. – Он несколько дней куда-то шёл по лесу и мне так и не удалось узнать куда именно, потому, что эти места мне совсем не знакомы. А по близости нет ни одного поселения, не говоря уже о городе. – об убитых им жителях он решил умолчать, потому что мысль о том, что их можно было сперва расспросить, пришла ему только что в голову.

Тьма колыхнулась, увеличиваясь в размерах, верный признак недовольства услышанным. – Так почему же ты оставил его и поспешил ко мне? – было тому подтверждение.

– Но он исчез! – моментально затараторил разбойник, чтоб не навлечь на себя более страшный гнев. – Я всюду крался за ним, как ты и велел, оставаясь им незамеченным. Но тут произошло что-то немислимое. – Заноза запнулся на полуслове, не зная, как правильно подобрать слова, чтоб объяснить своему Хозяину то, что там на самом деле случилось, начав извиваться в его руках из-за пронзившей всё его тело боли.

– Продолжай! – уже более спокойным голосом ответил голос из мрака, и боль моментально ушла.

– Я шёл за ним буквально по пятам. – не желая больше испытывать эту боль, Заноза чуть ли не плакал. – Но тут неожиданно появилось необычное облако, из которого прямо в него начали сыпаться молнии. И он пустился бежать, я погнался за ним, только осмотрительно на небольшом расстоянии. Поэтому я только и успел заметить, как удирая от него он петлял словно заяц по лесу, и тут прямо на его пути, ни с того ни с сего, появился густой туман, что перегородил ему всю дорогу. И он со всего разбегу сиганул прямо в него, а тот тут же рассеялся. Забрав с собой и того человека.

Произнося слово человек, Заноза уже давно стал за собой замечать, что произносит его с большим пренебрежением. Потому, что себя он уже к ним не относил, считая, что он уже нечто намного большее. Тем, кто превосходит их, и кто сам в праве распоряжаться их никчёмными жизнями.

– Так же и гнавшее его облако, только сделав круг над тем местом, поднялось обратно в небо и затерялось там среди остальных облаков. Я только после этого выбрался из укрытия, и прошёлся по тому самому месту, пытаюсь взять его след, но так и не смог этого сделать, ни следов ни запахов там не осталось. И я, не зная, как мне поступить дальше, поспешил побыстрее к тебе.

Разбойник закончил свой рассказ и на время повисла зловещая тишина, во время которой он пытался понять, устроит ли им выше сказанное его Господина. И на кой вообще он шагает по лесу, следя за каждым шагом того мужчины. Так же он до сих пор не знал, кто же такой его Господин. Но тут-то было попроще, скорее всего это один из древних богов, только они могут обладать такой мощью, но как не напрягал свою память, пытался припомнить хоть

одного из них, так и не смог вспомнить ни одного имени. А спросить на прямую у своего Господина, попросту не хватало духу.

– Может это Перун захотел покончить с тем человеком? – решил высказать своё предположение разбойник, пока тот молчал. – Ведь только он мечет с небес свои молнии.

– Не твоего ума дело! – гроыхнуло из мрака, и Занозу снова сковали спазмы, скручивая всё его тело в тугую спираль. – Но ты верно поступил, сразу сообщив мне об этом. – и боль вновь отступила.

У Занозы после этих слов сразу же перестали предательски трястись поджилки, и сковывавший всё его нутро страх, понемногу начал отступать в сторону.

– Пока можешь тратить предоставленное тебе время на своё усмотрение. Но будь непременно поблизости. – колыхнулась тьма, будто кто-то внутри неё с силой выдохнул воздух из легких. – Как только понадобишься, я сам тебя найду. А теперь можешь проваливать! – и державшие его навису руки-щупальца, с силой запустили разбойника в сторону леса.

Пролетев всю поляну, Заноза с шумом грохнулся на траву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.